

141
НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ
У. Д. К. 191
С. В. А. П. 191
17. 1. 17. С. П. М.

Горный марш

Фото А. Иоселевича

На обложке: Головной дозор в разведке. Фото Ник. Соловьева. На последней странице обложки:
Новое здание Центрального театра Красной Армии. Фото А. Цуккера

„Обратили ли вы внимание, товарищи, что в старое время, да и теперь в капиталистических странах народ боялся и продолжает бояться армии, что между народом и армией существует преграда, отгораживающая армию от народа? Ну, а у нас? У нас, наоборот, народ и армия составляют одно целое, одну семью. Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас. У нас армию любят, ее уважают, о ней заботятся. Почему? Потому, что впервые в мире рабочие и крестьяне создали свою собственную армию, которая служит не господам, а бывшим рабам, ныне освобожденным рабочим и крестьянам. Вот где источник силы нашей Красной Армии“.

И. СТАЛИН «О трех особенностях Красной Армии». Воениздат. 1938.

И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов.

Фото Н. Шагина

НАРОДНЫЕ БОГАТЫРИ

Великая страна социализма вправе гордиться своими вооруженными силами. Красная Армия и Красный Флот составляют славу нашей родины. Весь исторический путь Красной Армии, начатый двадцать два года назад, овеян славой. Всегда и везде красные бойцы и командиры неизменно выходили победителями из самых трудных операций, умножая славу советского оружия. И недаром народ называет свою армию победоносной и непобедимой. Нежной заботой о бойцах, командирах, политработниках пронесены сердца народа. Он вклад в них воплощение своей собственной богатырской силы, бесстрашия перед врагом, неустранимой воли к победе.

Красная Армия и Красный Флот родились в самое тяжелое для страны время. В те суровые дни, двадцать два года назад, когда со всех сторон на священную советскую землю устремились армии четырнадцати капиталистических государств и их белогвардейские наемники, над страной загорелась пятиконечная красноармейская

звезда. И Красная Армия и Красный Флот возникли, как сказочный феникс, из пепла, по воле народа и его ленинско-сталинской партии.

Первая в истории человечества армия народа прошла свою боевую школу на полях сражений, где она прочно усвоила искусство победы. Пыл и стремительность, богатырскую отвагу, дерзновенную смелость и вместе с тем спокойствие расчета, гранитную твердость проявила наша армия в борьбе с врагом.

В этом году празднование 22-летия Красной Армии совпадает с двадцатилетием ряда славных, блистательных побед, одержанных в борьбе за власть Советов. Эти победы на историческом пути Красной Армии стоят точно вежи: Царицын, Ростов, Новороссийск, Киев, Минск, Мурманск, Архангельск, Баку, Иркутск... Каждое из этих названий вызывает в памяти незабываемые битвы, в которых отвага красных бойцов соперничала со смелостью, мужеством — с героизмом.

В этом же году исполняется двадцатилетие взятия Перекопа.

Перекоп! Укрепления из бетона и стали, тяжелые морские орудия, отборные войска мечтавшей в предсмертной злобе контрреволюции, топи Сиваша, неприступные позиции Турецкого вала — ничто не помогло врагу, ничто не устояло перед сокрушительным ударом красных бойцов!

На нашем пути к коммунизму еще не один «Перекоп». Но все они будут так же сметены, как был сметен двадцать лет назад последний оплот контрреволюции на пороге Крыма, изнывавшего под пятой врагелевщины и англо-французских интервентов. Мечом Красной Армии народ сразил врагов и освободил свою землю от помещичье-капиталистической нечисти, от иноземных насильников и поработителей.

В СССР «народ и армия составляют одно целое, одну семью» (Сталин) и народ любит свою армию. Любит и заботится о ней. В этом источник ее силы. Народ любит и уважает свою армию, потому что у ее колыбели стояли величайшие народные вожди современности — Ленин и Сталин. Они воспитали эту армию, научили ее побеждать врагов народа, врагов социализма.

Красная Армия и Красный Флот гордо оберегают мирный труд населения, его города и села, его фабрики и заводы, его новую, социалистическую жизнь. К дальнейшим победам, за счастье человечества, нашу непобедимую армию ведет великий полководец социалистической революции — Сталин.

Сталин — знамя Красной Армии, символ ее мощи. «Вооруженная защита побеждающего социализма, строительство Красной Армии Советского Союза, ее история, ее сила и могущество, ее сплоченные и стальные ряды, ее техника и героические кадры — неразрывно связаны с именем Сталина» (Ворошилов). Сталинская воля к победе над врагами социализма живет в сердце каждого бойца, каждого командира и политработника Красной Армии и Красного Флота. Поседевшие в боях полководцы и молодые бойцы — все они идут в бой с одним и тем же победным кличем: «За Родину, за Сталина!» С этим боевым кличем билась и побеждала врагов героин Хасана и Халхин-Гола. Под сталинским знаменем Красная Армия совершила свой незабываемый освободительный поход на Запад, сломив жестокий гнет польских панов, в течение двадцати лет угнетавших наших единокровных братьев в Западной Украине и в Западной Белоруссии. Под этим знаменем бойцы Красной Армии и Красного Флота оказывают братскую помощь трудящимся Финляндии, которые поднялись на борьбу против финской белогвардейщины.

Бойцы Красной Армии являют великий пример любви к Родине. Воодушевленные глубочайшим чувством патриотизма, красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники совершают чудеса храбрости. Они с честью выполняют присягу — великую клятву на верность своей стране. Верная в ряды Красной Армии и Красного Флота, каждый боец торжественно клянется защищать Родину — Союз Советских Социалистических Республик — смужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами». Отважные сыны народа выполняют эту свою торжественную клятву, как и подобает советским гражданам, для которых долг перед народом и страной есть высший закон жизни.

Вот почему Красная Армия и Красный Флот составляют славу нашей страны, нашу гордость. Бойцы, которым Родина доверила важную и почетную задачу — защиту ее рубежей, — чувствуют на себе любовь и заботу народа. В каждом советском патриоте живет эта любовь к своей армии, к ее народным богатырям, воспитанным Сталиным и идущим в бой под руководством сталинского наркома первого маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова. Эта армия непобедима, как непобедимо дело социализма, как непобедимо дело народа, уверенно идущего вперед, к коммунизму.

Касымджан Тюлебаев

ТОВАРИЩ КРАСНОЗВЕЗДНЫЙ

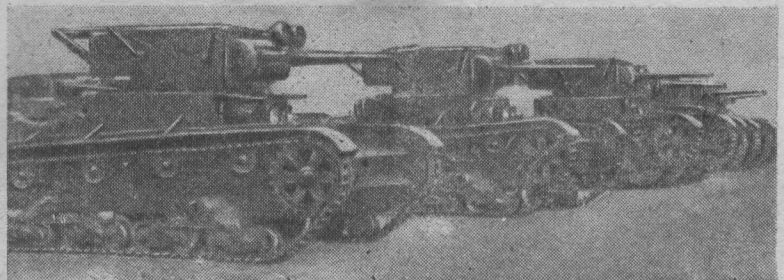
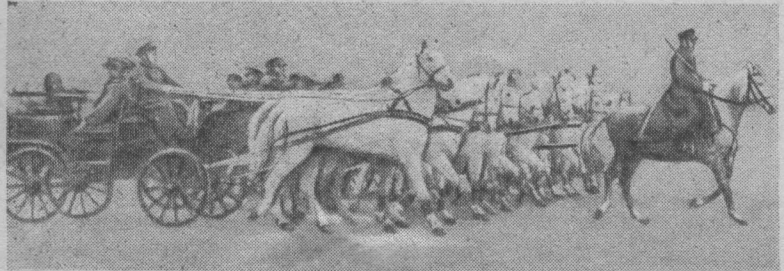
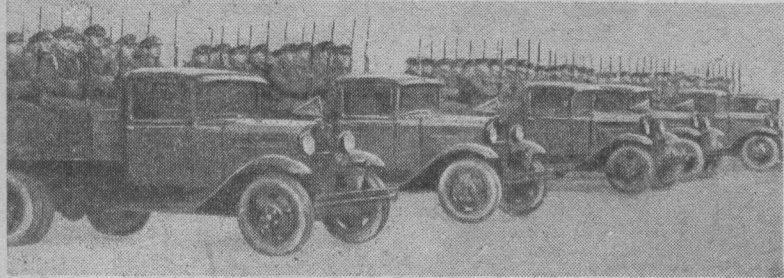
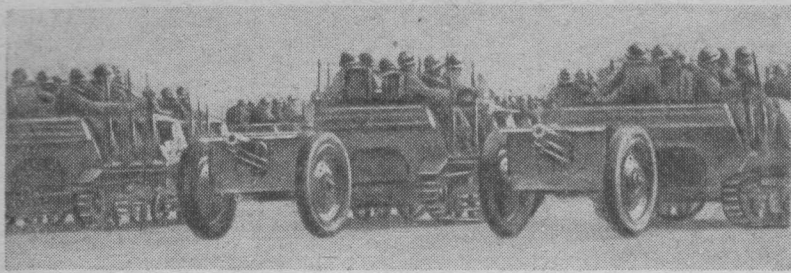
В песках пустынь
и в Арктике морозной
бьется враг
твоей винтовки грозной.
Ты наша сила,
наша мощь
и слава,
оплот страны,
товарищ краснозвездный.
Богатств не честь
в Союзе необъятном,
есть что любить
и есть что защищать нам!
Так пусть же вьется
сталинское знамя
всегда
над нашим счастьем
многократным.
Отчизны нашей
крепкая граница
и днем
и ночью
бдительно хранится
тобою,

мой товарищ краснозвездный,
и никогда
врагу к нам не пробиться.
И мы спокойны:
будни трудовые
хранят всегда
шеренги боевые.
Мы завоеем
счастье всем народам,
наш светлый день
в истории впервые.
В песках пустынь
и в Арктике морозной
бьется враг
твоей винтовки грозной.
Ты наша сила,
наша мощь
и слава,
оплот страны,
товарищ краснозвездный.

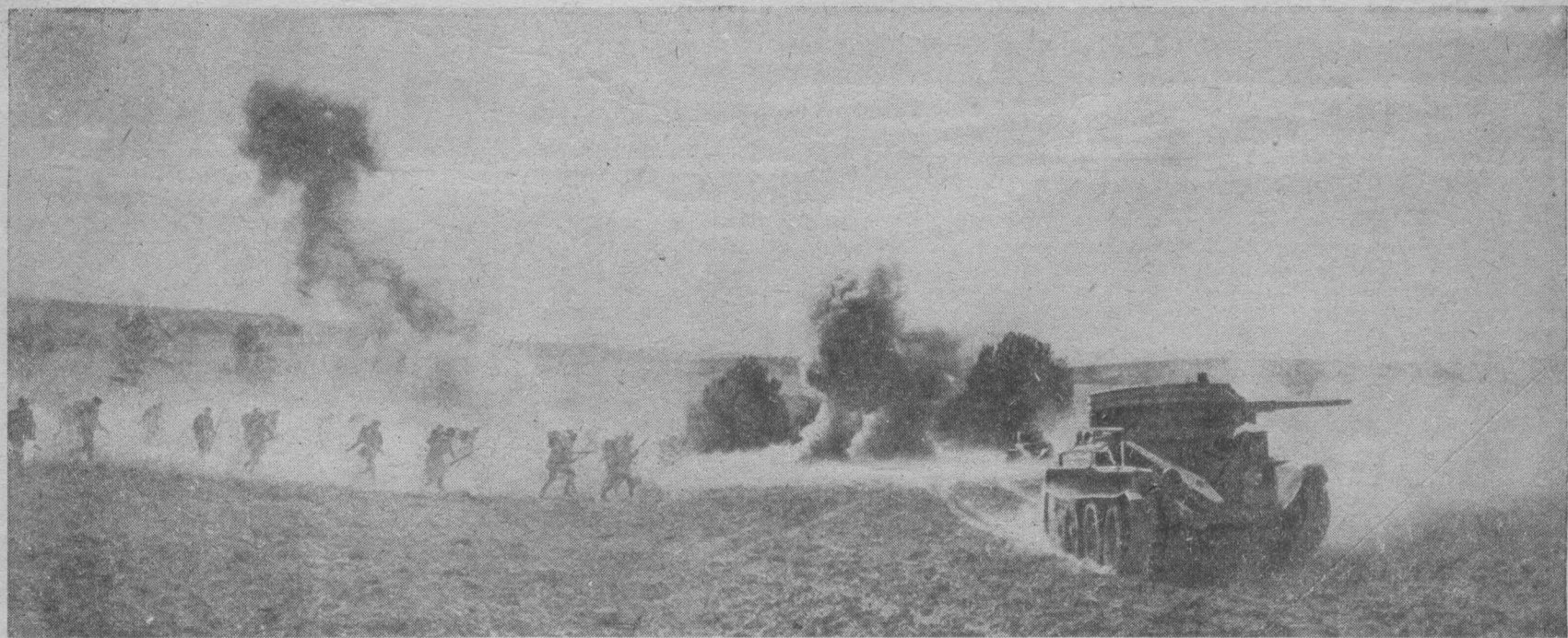
Перевел с киргизского
ИГОРЬ СТРОГАНОВ.

На основе могучего роста нашей социалистической экономики, в результате блестящего выполнения двух сталинских пятилеток и невиданного расцвета социалистической культуры в стране, Центральный Комитет Партии и Правительство, под непосредственным руководством нашего Сталина, непрестанно крепили и совершенствовали наши вооруженные силы — Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и Военно-Морской Красный Флот, которые грозной силой стояли и стоят на рубежах нашей Родины, гарантируя ее от вражьего нашествия.

Из речи К. Е. Ворошилова на XVIII съезде ВКП(б).

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ-СТРАШНЫЙ В ПРОШЛОМ В СОЗНАНИИ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС, НЕ СТРАШЕН ТЕПЕРЬ, КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КРАСНОЙ АРМИИ И ЯВЛЯЕТСЯ ТЕПЕРЬ ИХ ЖЕ ЗАЩИТНИКОМ! Ленин

СЛАВА МОГУЧЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ, АРМИИ БОГАТЫРЕЙ-ОСВОБОДИТЕЛЕЙ!

Фото Б. Бдовенко и И. Шагина. Плакат худ. А. Кокоркина

Г Е Р О И

Часть подошла к укрепленному району противника. Впереди, на узком межозерном пространстве, раскинулась небольшая деревня. Под нею и находился укрепленный район. Мирные домишки, сараи, стога сена и даже колодцы скрывали огневые точки. Едва только на нашей стороне появлялась достойная внимания цель, — из деревушки яростно били невидимые пулеметы.

Надо было обнаружить вражеские огневые точки и разведать подходы к ним. Танки послать нельзя: единственная дорога в деревню врагом предусмотрительно завалена огромными серыми валунами. Валуны лежат как раз перед мостом через протоку, соединяющую оба озера. Мост не взорван и, следовательно, минован.

Выбор пал на командира взвода Ивана Погребняка. Младший командир срочной службы Иван Михайлович Погребняк совсем недавно стал во главе взвода. В одном из боев он заменил своего раненого командира, а позже за героические подвиги был утвержден в этой должности.

Утром, собрав свой взвод и приданное ему саперное отделение, Погребняк объяснил задачу. Он решил действовать так.

По единственному подходу, который плохо был виден со стороны противника, пойдет одно стрелковое отделение. Оно должно незаметно пройти на северный берег протоки, продвинувшись поближе к деревне и, когда враг начнет стрелять, заметить расположение пулеметов и особенно долговременных огневых точек. Отделение саперов во главе с Погребняком на виду у противника должно пройти к мосту и постараться раскидать каменный завал. Противник безусловно будет обстреливать смельчаков, но это только поможет первому отделению выполнить его задачу. Два других стрелковых отделения остаются в резерве на опушке леса, в ста метрах от моста.

— Задача ясна? — спросил Погребняк.

— Ясна, — дружно ответили бойцы.

— Дело опасное, — сказал командир. — Прямо по пули идем... Нужны только охотники.

Идти захотели все.

Взвод двинулся. Вот и опушка. Чуть вышагав над снежным полем, тянется дорожная насыпь. Может быть, под ее прикрытием разведывательному отделению удастся незаметно пройти на северный берег протоки. По крайней мере, бойцов не будет видно с одной стороны. А, впрочем, выбирать было не из чего...

— Вперед! — тихо командует Погребняк.

Бойцы бесшумно скользят по снегу. Тридцать, пятьдесят, уже сто метров отделяют их от ядра разведывательного взвода, а противник все молчит. Не видит или выжидает, решив ударить по главным силам разведки. Погребняк видит, как, скатившись в лошину протоки, бойцы по льду перебегают на северный берег. Теперь пора!

— За мной! — командует он саперам и, не маскируясь, первый выходит из леса. Пройдя немного, он оглядывается: за ним гуськом, след в след, идут саперы.

Мягко поскрипывает под ногами снег. Слабый ветер доносит из леса смолистый запах: побитые артиллерией, свежо и приятно пахнут на морозе ели. Только сейчас, выйдя на дорогу, Погребняк ощутил этот, сразу ставший таким родным и домашним запах.

Погребняк идет, внимательно глядя под ноги. Кто знает, что под этим пушистым снегом? С тех пор, как враг отступил, по дороге еще не ходили, а мина, должно быть, тут насовали немало.

До самого моста мин не оказалось. Только около валунов и среди них саперы обнаружили несколько плоских зубчатых гадин. Но возиться с ними было некогда. Главное —

расчистить дорогу от валунов, освободить проход танкам. С минами можно покончить во вторую очередь.

Осторожно, стараясь не задеть мины, саперы ворочают огромный валун, толкая его к откосу. Минута — и он летит вниз, поднимая тучу белых снежинок. Со стороны противника ни звука.

Нервы бойцов напряжены. Почему молчат враги? Они же видят, как разбирают завал, а огня не открывают!

— Хотя выманить всех разведчиков на дорогу, чтобы разом накрыть, — говорит маленький сапер. Голос его приглушен, и, хотя в этом нет никакой нужды, он старается не шуметь.

Погребняк замечает, что и сам он командует в полголоса. «Да, что это, в самом деле, — думает он. — Словно мы в засаде, а не у всех на виду». И громко, не таясь, приказывает:

— Теперь вот этот, самый большой! Скинем его — и танки смогут пройти.

Тяжелый валун крепко вмерз в землю. Вцепившись в него руками, толкая плечами и спинами, саперы сдвигают валун с места. Враг не выдерживает. Справа начинает бить пулемет. Сперва один, потом другой. С тонким свистом проносятся над головой пули. Но саперы не бросают своего дела: укрывшись за камни, они постепенно сдвигают их к откосу. Еще немного, совсем немного — и второй валун тоже загремит вниз.

Тогда начинают бить пулеметы слева.

— Залечь! — командует Погребняк.

Саперы прячутся за камни, принимая на себя всю силу огневого удара.

«А, пожалуй, и лучше, что мы не скинули этот валун, — думает Погребняк, стараясь подобрать под себя торчащие из-за камня ноги. — Танки все равно уже пройдут, а нам есть где спрятаться».

Двадцать минут стучит по камням непрерывный свинцовый ливень. Колючая гранитная пыль больно бьет по лицу, по рукам. Но командир не замечает ее. Он думает о том, что отделение, действующее на северном берегу, уже выполнило свою задачу: обнаружил и засекал огневые точки. Теперь надо помочь ему вернуться.

В это мгновение он слышит позади себя знакомый звонкий голос:

— Что же мы дадим пропадать нашему командиру? Надо идти на выручку!

— Ни с места! — кричит Погребняк, оборачиваясь к лесу.

Быстро мелькают мысли. Прежде всего надо вывести отделение за протокой. Нет! Раньше надо удержать тех, что в лесу. Золотые ребята, не дадут пропасть своему командиру! Если ползти по канаве, вдоль дороги, может быть, и не заметят... Надо ползти. А вдруг в канаве мины? Но другого выхода нет. Надо ползти.

— Ждать меня и не отходить! — командует Погребняк саперам и камнем скатывается с насыпи в канаву. Он оглядывает себя. Пока цел. Теперь — вперед! Командир ползет по канаве и не думает больше о минах: все равно по дороге не побежишь.

С замиранием сердца следят разведчики за действиями своего командира. Он уже совсем близко, с ним можно разговаривать.

Лежа на снегу и отдыхая, Погребняк говорит:

— Станковому и ручному пулеметам открыть огонь по врагу, отвлекая его внимание от разведывательного отделения и саперов.

Сказав это, Погребняк поворачивается и ползет назад. Он слышит, как заработали пулеметы. «Теперь враг перенес огонь на них. Только бы за рекой целы были», — думает Погребняк, взбираясь на мост.

Саперы все невредимы. Погребняк указывает им путь, а сам берет ручной пулемет,

три диска с патронами и выдвигается вперед. Осторожно, по одному, саперы скатываются в канаву и отползают в тыл. Тогда он открывает интенсивный огонь.

В деревне все пришло в движение. Между домами мелькают фигуры перебегающих солдат. В фундаменте крайнего дома открылась амбразура, и оттуда бьет пулемет. Еще несколько пулеметов стреляет с чердаков и из-за заборов. Погребняк вступает в ожесточенный бой с ними.

Он видит, как впереди, за бугром, поднимается на штыке кусочек материи.

— Цель! — не выдержав, кричит Погребняк. — Держитесь, ребята!

Тряпочка на штыке — сигнал: задание выполнено. Противник чувствует, что разведчики ускользают из его рук, и обстреливает их, стараясь создать огневую завесу.

И тут Погребняк решается на новый отважный маневр. Он бросается вперед, достигает северного берега протоки, ставит пулемет на возвышенность и стреляет в упор по врагу.

Противник ошеломлен дерзостью пулеметчика и на мгновение ослабляет огонь. Тем временем разведчики приближаются к мосту.

Снежные фонтаны подбираются все ближе и ближе к Погребняку. Одна за другой противно цыкнули над ухом две пули. Он меняет место, маскируется и снова стреляет.

Мимо Погребняка начинают проползать разведчики. Не отрываясь от пулемета, он пересчитывает их. Некоторые ложатся рядом и поддерживают командира своим огнем.

— Не задерживайтесь, товарищи, быстрее, быстрее, — торопит Погребняк.

Хладнокровно и сосредоточенно, собрав в комок всю волю и упорство, Погребняк ведет экономный огонь. Он стреляет короткими очередями, по два — три патрона, внимательно выбирая мишени и тщательно прицеливаясь. Он знает, что если враги пойдут в атаку, то у него не хватит патронов, чтобы отразить ее.

Последним ползет командир отделения. Он успевает сказать, что обнаружены шесть пулеметов и две долговременных точки.

— Ползи скорее! — кричит Погребняк.

Проползай уже все. Нет только красноармейца Слободенюка. «Неужели убит? — думает Погребняк, и сердце его сжимается от боли. — Пропал парень, остался лежать в снегу».

Он ждет еще, ведет редкий огонь. «Может быть, вот сейчас покажется из-за бугорка каска Слободенюка?» Но ничего нет... Пропал друг!

Кончаются патроны. Погребняк сделал все, что было в его силах. Он дрался настойчиво и жизни своей не щадил. Задача выполнена — дорога танкам открыта, огневые точки разведаны. Пора отходить.

Последний патрон. Погребняк стреляет, берет пулемет, диски и ползет обратно. С горестью сообщает он бойцам о гибели товарища.

Но Слободенюк не погиб. Прижатый сильным огнем к земле, он не смог отойти вместе с отделением. Пять с половиной часов пролежал он в снегу. Три раза менял свое место, зарываясь в сугробы «по самый нос». Когда начало темнеть, пополз к своим.

Боец полз и думал, что его могут принять за вражеского разведчика и подстрелить. А встать в рост — противник заметит. Решил лучше ползти. Поползет, поползет и крикнет: «Не стреляйте, свой!» Приглушается — только ветер воет, и опять ползет.

Дополз почти до леса и крикнул снова. Сначала тихо было, а потом кто-то ответил:

— Подходи!

Слободенюк поднялся и услышал команду:

— Руки вверх! Поворачивайся спиной!

— Да что вы, ребята! Я же свой!

— Без разговоров!

...В штабе перед командиром части стоял Погребняк и говорил:

— Разрешите, товарищ капитан! Не могу я, чтобы тело моего бойца врагу досталось. Отборные ребята собрались. Разрешите. Мы враз его отыщем!

Командир колебался. Жаль было riskовать отважными бойцами.

Стук в дверь вывел его из раздумья.

— Войдите!

Дверь распахнулась, и в землянку вошел Слободенюк, целый, здоровый и невредимый.

**ТОЧНЫ И СОКРУШАЮЩИ ЗАЛПЫ НАШЕЙ АРТИЛЛЕРИИ, МЕТКА ПУЛЯ
ВОРОШИЛОВСКОГО СНАЙПЕРА!**

Фото Д. Минскера и Б. Рябина

РАССКАЗ ЛЕЙТЕНАНТА

В пути лейтенант нам рассказывал были
О людях давнишних атак.
Как дрались, как жили, как волю любили...
Сегодня он начал вот так:

— Хотите узнать про Петра Кулешова,
Что ж можно! Садитесь в кружок.
Герой, а вот роста он был небольшого —
Поменьше меня на вершок.

До армии Петя работал в пекарне,
И был он, как хлеб, рыхловат.
Особенной прыти от этого парня
Не ждал ни комбриг, ни комбат.

В нем не было главного: страсти военной.
Такой — не опора в бою.
Любой разговор он сводил непременно
На дом, на жену, на семью.

Но наш комиссар, проходя перед строем,
На нем останавливал взгляд,
Как будто хотел его видеть героем
Грядущих легенд и баллад.

А в тихую ночь, перед самым сраженьем,
Так даже спросил:
— Как дела?

Пожал ему руку — и в этом движеньи
Отцовская нежность была.

Команда. Мы сдвинули плечи и дула.
Лощина, река, поворот.
И вдруг под ногами планету качнуло,
И снова команда:

— Вперёд-д!
И стало все сразу сухим и горячим:
И камень и даже волна.
Взошла и немедленно скрылась за тучи,
Бледнее от страха, луна.

Земля провалилась, и мне показалось,
Что нет ее! Пламя и дым...
Четырнадцать раз меня пуля касалась,
Но был я бойцом молодым,

Как ярость, горячим, как правда, живучим.
(Такой я, друзья, и сейчас).
И вот из-за леса дыханием жгучим
Обрушились залпы на нас.

Выходит, что мы очутились в засаде.
— Капкан! — сообщают гонцы.
Деникинцы справа, деникинцы слева,
И... дротнули наши бойцы.

Убит комиссар, командира не стало.
Вдруг... вижу... встает Кулешов.
А вид у него, будто к нам с пьедестала
Фельдмаршал Кутузов сошел.

Раскинуты плечи, морщинка под глазом,
Решительно стиснутый рот.
— За мной! — он кричит неожиданным басом
И всех увлекает вперед.

Казалось, гигант великаньего роста
Ведет нас, как буря, дыша.
А ларчик, друзья, открывается просто,
Когда в нем простая душа.

Он вспомнил, как жил его дед и родитель:
Хозяйская кость на столе.
А он, Кулешов, человек-победитель,
По собственной ходит земле.

И стало ему до физической боли
Земли своей жалко, друзья.
Крестьянскому сыну, хлебнувшему воли,
Вернуться в неволю нельзя.

За правду, за жизнь, за дитя в колыбели
(А Петя любил малыша)
Он встал и пошел, как и мы, сквозь метели
Идем, белофиннов кроша...

* * *

— Взвод, шагом... Раз, два! — прозвучала команда.

Бойцы покидали привал.
— Скорей бы в атаку!
Рассказ лейтенанта
Им здорово в душу запад.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ШИНКАРЕНКО

Подразделение летчиков-истребителей старшего лейтенанта Ф. Шинкаренко, о боевых буднях которого говорится в нашем очерке, сбило много белофинских самолетов. Оно успешно провело около 30 штурмовых налетов по наземным целям, уничтожило несколько десятков воинских эшелонов белофиннов.

Из личного состава подразделения 14 человек во главе с своим отважным командиром награждены орденами.

1. АЭРОДРОМ В ЛЕСУ

В стороне от шоссе, на поляне, среди соснового массива, притаился полевой аэродром. Весь день над лесом слышится рокот моторов, гул пронесшихся машин. Они поднимаются почти незаметно и так же хитро садятся, не выдавая местонахождения своей базы. Садятся лишь затем, чтобы дополнить горючим баки, заправить свежие ленты в пулеметы.

Все притаилось, спряталось. И только подойдя вплотную, можно увидеть землянки, немногочисленные деревянные домики и стаи маленьких самолетов, замаскированных в лесу.

Штабной домик расположен на самой опушке. В нем почти круглые сутки кипит жизнь, не умолкая, трещит телефонный звонок. Командир истребительной части майор Туренко ежеминутно принимает «заявки» и высылает по ним стаи быстроходных истребителей, которые с сердитым ворчани-

ем моторов уходят на фронт — в северозападном направлении.

Все операции заносятся в журнал боевой работы. Летчики-истребители не хвастаются своими делами. Капитан Майборода, ведущий журнал, записывает на страницах сухо и лаконично:

«В 11 40 звено Губанова обстреляло воинский эшелон противника на станции «К».
Или:

«В 13 05 девять самолетов подразделения Сотникова атаковали зенитную батарею противника у местечка «В».

И даже о замечательном боевом подразделении Шинкаренко, о его блестящих подвигах, говорится не более чем об остальных:

«В 11 20 в районе «В» подразделение Шинкаренко вступило в бой с 12-ю истребителями противника. Бой длился 20 минут. Нами сбито 8 самолетов противника. Своих потерь нет».

2. ПЕРЕД БОЕМ

Тонкую дощатую дверь землянки вместо пружины придерживает амортизатор с самолета. За дверью бушует пурга. Временами ветер ударяет прямо в трубу, и тогда дым из железной печки заполняет подземную комнатку. Кто-то из летчиков вскакивает с места и, кашляя от дыма, ворчливо ругается:

— И когда кончится эта погодка, чорт бы ее побрал? Не иначе как Маннергейм через посредничество генерала Юденича заключил пакт о взаимопомощи с Николаем чудотворцем — ишь какую погоду пускают дьяволы...

В землянке раздается взрыв хохота. Плохое настроение, навязанное нелетной погодой, постепенно проходит.

Летчикам привозят горячий завтрак. Вначале едят молча, но когда все удобно «прилаживаются» со своими тарелками и кружками, командир подразделения старший лейтенант Шинкаренко заводит беседу. Присевший на пустом ящике из-под пулеметных патронов, Шинкаренко обращается к летчикам:

— Упорство — хорошее качество для летчика, я бы сказал так: наш истребитель должен быть в бою хорошим «нахалом». У нас закон — не покидать поле боя, пока враг не будет уничтожен.

— Правильно, товарищ командир! — подержал летчик Ларионов.

— Но, — продолжал Шинкаренко, как бы не заметив одобрительной реплики, — все это должно сочетаться с трезвым расчетом и взаимной выручкой. А у нас иногда бывает так: увлечется летчик одним объектом и дует направо, а что по сторонам, сверху и в хвосте, — не замечает...

Фраза была произнесена «вообще», но хитроватый Шинкаренко знал, что она дей-

дет до того, кому адресована. И действительно, едва он замолчал, как лейтенант Булаев приподнялся с места:

— А у меня такое правило: жми, пока не воткнется в землю вражеский стержень.

Посмотрев на крепыша Булаева, Шинкаренко едва улыбнулся и подумал: «Молодец ты, парень, настоящий истребитель, но все же не зарывайся — не горячись». И вслух произнес:

— Все это правильно — «вгоняй в землю». Но когда дерешься в группе, не забывай о товарищах, смотри за ними и, если кто окажется в беде, выручай и тебя выручат... Вот так надо драться.

— Это верно, — заметил летчик Зобов, — есть у нас такая повадка — иногда слишком увлекаемся, забываем об общей задаче. Было это и у меня, и у Булаева, и Дибенко, чего правду скрывать...

Довольная улыбка промелькнула на смуглом лице Шинкаренко. В этих простых, товарищеских беседах летчики учились воздушному бою, анализировали ошибки, критиковали неправильные действия товарищей.

— Надо помнить, товарищи, что «ассовские» одиночки, безрассудное лихачество ничего нам не дадут. Оторвешься от строя — и тебя «съедят». Держись всегда ближе к коллективу. Надо бить врага без потерь с нашей стороны.

...За дверью попрежнему шумит пурга. Летчики неспеша завтракают, чутко прислушиваясь к словам своего командира. И то, о чем он говорит, становится для них законом. Они хорошо узнали своего командира в боях, безгранично верят ему и всегда идут в бой за ним смело и решительно, с полной уверенностью в победе.

**СТРЕМИТЕЛЕН УДАР, ГРОЗЕН НАТИСК
БЕССТРАШНЫХ СТАЛИНСКИХ СОКОЛОВ!**

Фото И. Шагина и Бор. Шейчина

3. ВОЗДУШНАЯ КАРУСЕЛЬ

Тишину прорезал тревожный звонок телефона. Командир подразделения хватается за трубку.

— У телефона Шинкаренко, что-о?.. В районе В. истребители противника мешают нашим?.. Всем в воздух?.. Есть — вылетаем!

Слово «в воздух» на летчиков действует магически. Едва командир успевает положить на место трубку, как землянка уже пуста.

Минуя протоптанные в снегу дорожки, летчики, чтобы сократить путь, бегут к самолетам напрямик. Каждая секунда дорога. Застегиваются на ходу. А у машин уже хлопчот расторопные механики. Рокочут моторы, и через несколько минут, поднимая облака снежной пыли, самолеты уходят в воздух.

Короткий сбор над аэродромом, и самолеты берут курс на северозапад. Через несколько минут подразделение уже на «той земле».

Командир зорко просматривает воздух. Ведомые летчики тоже шарят вокруг, ищут противника. И вдруг Шинкаренко видит с правого борта, внизу, своих бомбардировщиков, около которых увиваются белофинские «фоккеры».

— Эх, не опоздать бы! Дадим же мы вам сейчас жару!

Шинкаренко подает команду: «Внимание, атакуем!» Но покачивание с крыла на крыло почти излишне: летчики молниеносно устремляются за своим вожаком.

И тогда Шинкаренко, имея превышение над врагом, заходит от солнца и идет на выручку своим бомбардировщикам. Самолеты пикируют на врага. Шинкаренко прикидывает на глаз расстояние до «фоккеров» и определяет их количество: 12 самолетов. Шинкаренко направляет свою группу в самую их гущу и открывает огонь. Пулеметные струи прорезают воздух. Вражеские истребители, оставив в покое бомбардировщиков, шархнулись в сторону.

Бой начался. Произведя первую атаку сверху, наши развернулись и зашли «фоккерам» в хвост. Белофинские летуны ошарашивались. Но летчики подразделения Шинкаренко прочно заняли свое место в тылу врага.

Воздушная «карусель» с каждой минутой становилась оживленной. Белофинны пытались ускользнуть из-под огня. В воздухе слышался треск пулеметных очередей, рев моторов, виднелись седые струи отработанного газа. Все это внешне создавало хаос, однако бой шел планомерно. Истребители отважного подразделения спокойно и уверенно маневрировали, твердо решив не уходить с поля боя, пока не разгромят белофиннов.

— Сейчас посмотрим, чья возьмет! — сказал командир.

Шинкаренко, облюбовав один «фоккер», стремительно пошел в атаку. Но в этот момент коварно подобранный сзади белофинский летчик пустил пулеметную очередь. Увидев, что командир в беде, летчик Григорьев быстро пришел на выручку и отвлек врага. Уже близкий к победе Шинкаренко, оставив переднего «фоккера», молниеносно развернулся в хвост наглецу.

«А ну, погляжу я, как ты будешь выкручиваться, вояка».

Приловчившись поудобнее на сиденье и осторожно озираясь вокруг, Шинкаренко стал «нажимать» на противника. Тот отчаянно увивался, не принимая боя; «фоккер» то появлялся, то исчезал из поля прицела. Наконец Шинкаренко настиг врага. Теперь он хорошо различал даже опознавательные знаки на крыльях, очертания головы вражеского летчика.

Шинкаренко нажал гашетки пулеметов. Сухо треснули выстрелы. «Фоккер» как-то странно повис и вдруг, объятый пламенем, с работающим мотором камнем пошел к зем-

ле. Мельком взглянув на падающего врага, Шинкаренко про себя сострил:

«Кати, кати быстрее, к себе ведь идешь!»

Он осмотрелся. Почти перед самым носом его самолета, оставаясь за собою длинный столб черного дыма, падал второй «фоккер». Это было дело рук летчика Михайлюка, который дрался немного выше, на втором «этаже».

А ниже командира отчаянно вел бой с двумя белофиннами Дибенко. На выручку ему и устремился командир. Но не успел он приблизиться, как Дибенко уже зажег один из самолетов. В воздухе мелькнул распустившийся парашют, и горящая машина врага «самостоятельно» ринулась вниз.

Не теряя времени, Шинкаренко устремился за другим самолетом. «Фоккер» трусливо пустился наутек. Он уже вошел почти в отвесное пикирование, но меткая очередь, выпущенная Шинкаренко, догнала «храбреца». «Фоккер», вспыхнув, пошел вниз — к своим собратьям.

...В это время лейтенант Булаев, как бы подтверждая свою теорию, «вгонял в землю» белофинского флагмана. Булаев, отколов от группы один самолет, снабженный радиоантенной, попал на вражеского флагмана. Белофинн неоднократно увертывался от огня. Но упрямый Булаев не выходил из-под хвоста «фоккера» и все жал и жал его к земле.

На этот раз лейтенант действовал с оглядкой. Но видя, что вражескому флагману идти на помощь никто не решался, а свои ребята были заняты, он решил вступить в поединок.

4. В ТЫЛУ ВРАГА

— Сегодня придется немного поштурмовать, — пояснил Шинкаренко летчикам. — Полетим к станции «К», затем развернемся — вот здесь — и вернемся на аэродром.

Командир показал на карте объекты атаки и скомандовал:

— По самолетам!

Шестерка истребителей пошла в бой. Круг над аэродромом — и самолеты легли на курс. Под скоростными машинами мелькают лес, белые поляны, замерзшие озера. С каждой минутой смельчаки забираются все глубже в тыл противника. За командиром идут комиссар, летчики Покрышев, Булаев, Михайлюк...

Истребители осторожно пробираются к цели. Впереди синей грядой вырастает лесной массив. Шинкаренко делает «горку», взмывает над лесом и видит внизу железнодорожную станцию. На ее путях стоят эшелоны. Шинкаренко слегка отжимает ручку управления от себя и плавно пикирует. Он направляет самолет точно вдоль эшелонов и жмет пальцами гашетки пулеметов. Огненные струи рассекают воздух и ложатся по вагонам. На минуту у Шинкаренко возникает мысль: «Стукнули, но какие же результаты?»

Результатов пока не видно, истребители почти разочарованно уходят от цели. Но в тот момент, когда самолеты уже почти скрываются за лесом, в головных вагонах эшелона вспыхивает огонь, а затем взлетают щепки и вагоны, один за другим, как по расписанию, начинают взрываться.

«Огнеприпасы, — безошибочно определяет Шинкаренко, — значит, дело будет».

Задача выполнена. Шинкаренко ведет свое подразделение на аэродром. Самолеты пронеслись дальше, смело пересекая вражескую территорию. Они господствуют в воздухе, как у себя дома. Шестерка пролетает маленький поселок и выскакивает над поляной. Впереди маячит одинокая вилла. И тут Шинкаренко невольно вспоминает доклад

Убедившись, что его дело плохо, «фоккер» хотел выйти из боя пикированием. Этого только и ждал Булаев. Он тут же пошел за белофинном. Гулко рванул пулемет, однако «фоккер», как ни в чем не бывало, шел к земле.

«Что же ты не горюшь, собака, бронированный, что ли?» — злился Булаев. Заметив след от трассирующих пуль, белофинн начал вилять, делать «змейку». Это мешало Булаеву вести прицельный огонь.

— А-а, змейку задумал, ну, ну, валяй!

И вот на одной из таких «змеек» Булаев, предугадав замысел врага, сманеврировал и перенес огонь с некоторым упреждением. Флагманский «фоккер» вспыхнул.

— Ну вот, так бы давно, — облегченно вздохнул Булаев и вывел машину из пике. «Фоккер» летел недолго. Через две-три секунды он врезался в землю. Вверх брызнул столб огня, масла, щепок.

Белофинны дрогнули. Уцелевшие четыре самолета рассыпались в разные стороны.

— Видимо, здорово тренировались удирать, — улынулся Шинкаренко, собирая своих ребят в группу. Он покачал крыльями, и летчики, построившись, пошли за своим командиром.

Через несколько минут опустились на аэродроме. Шинкаренко вылез из кабины, снял парашют и, потирая перчаткой чуть прихваченную морозом щеку, обращаясь к летчикам, удовлетворенно произнес:

— Сегодня хорошо поработали. А главное — помогали друг другу, — и, немного помолчав, добавил: — Восемь штук за двадцать минут совсем не плохо...

Командир немного устал, но по его улыбающемуся лицу летчики поняли, что он был очень доволен итогами боя.

одного из летчиков. «С этой виллы обстреливали, кажется, Михайлюка» — думает он, и сразу же принимает решение: «Пикнем»:

Ведомые несутся за своим командиром, они хорошо уже видят одинокую виллу, а рядом с ней полевою радиостанцию. Шквал пулеметного огня обливает осиное гнездо. Белофинны открывают запоздалый и растерянный огонь, но напрасно. Меткие очереди истребителей навсегда заставляют замолчать вражескую зенитку.

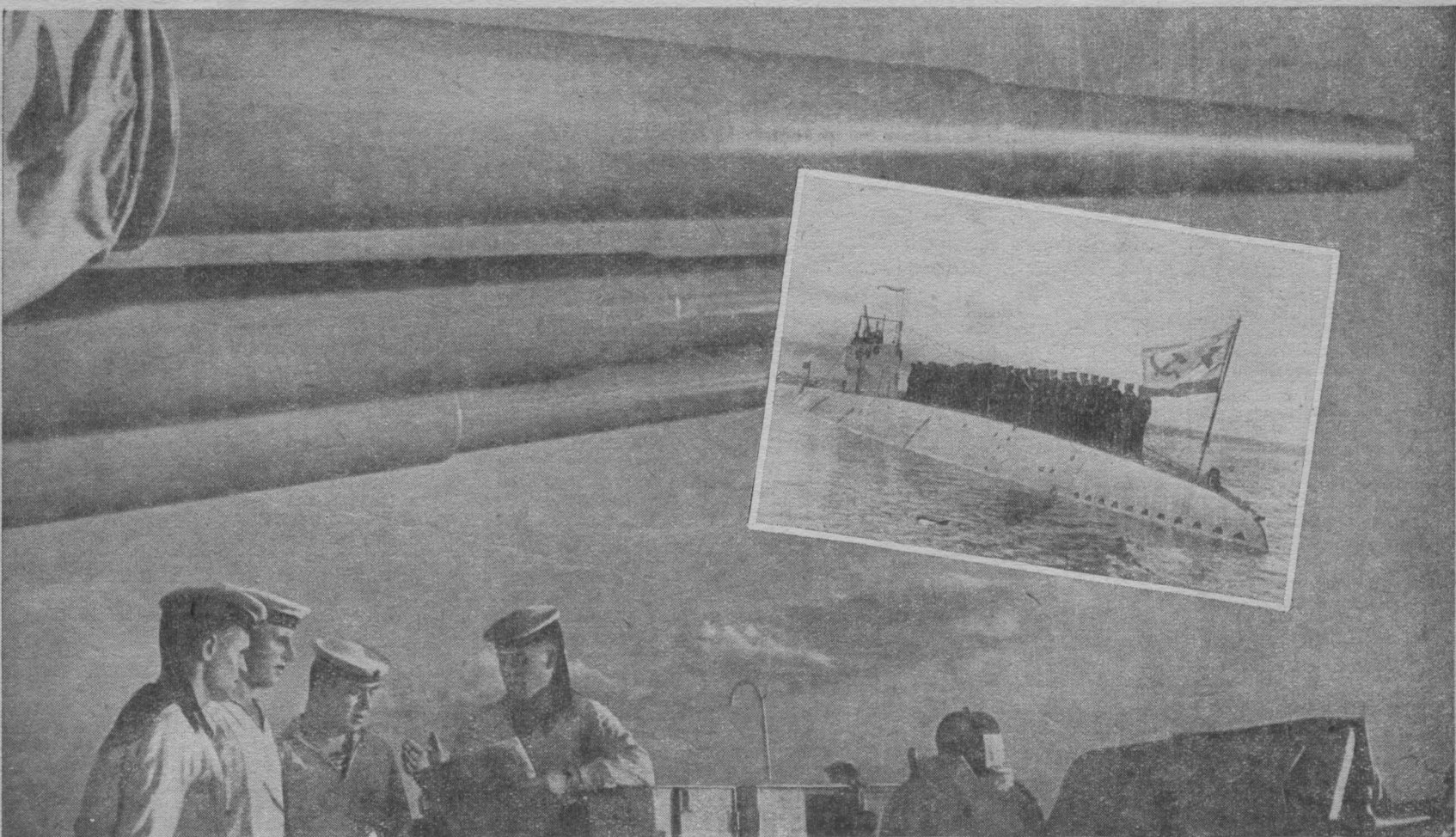
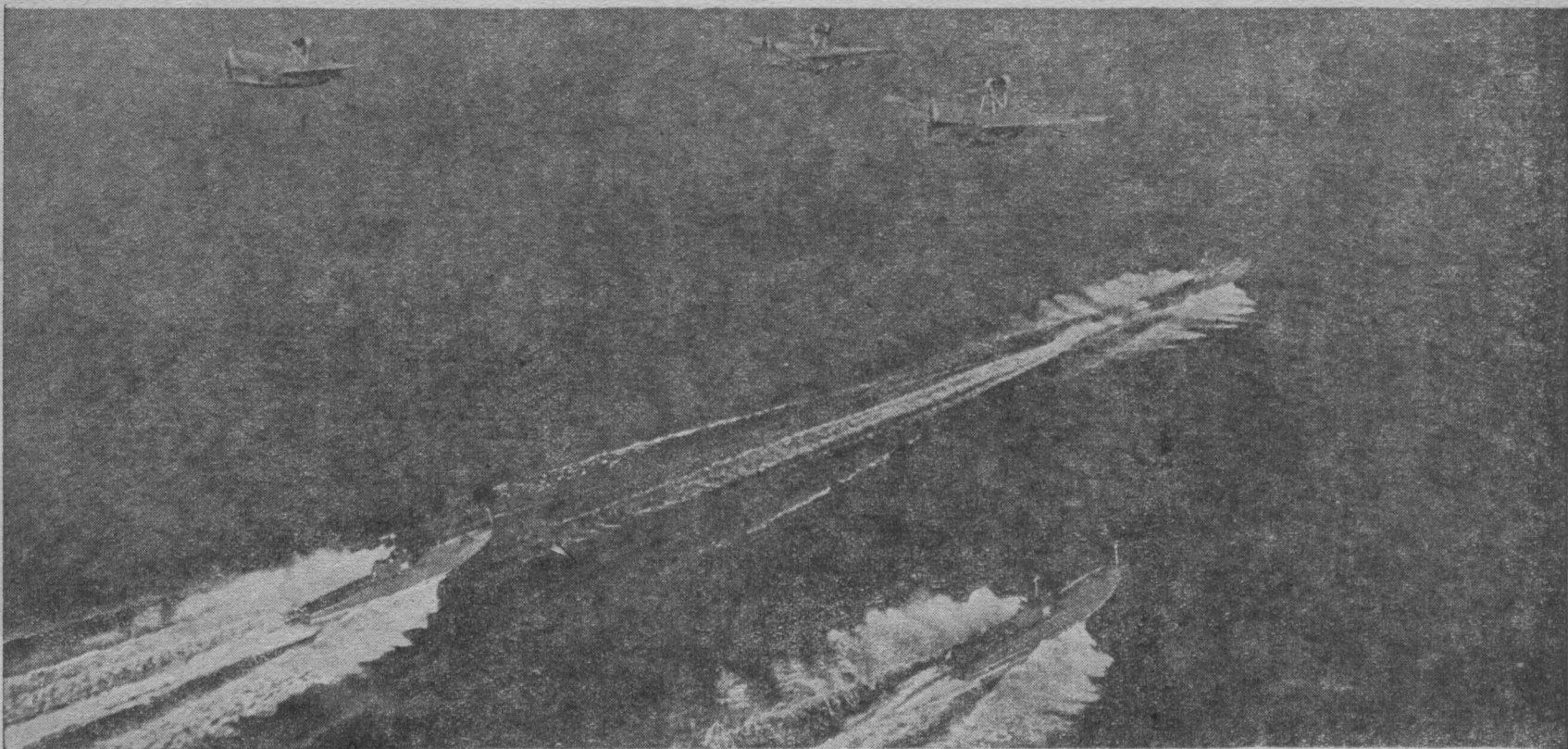
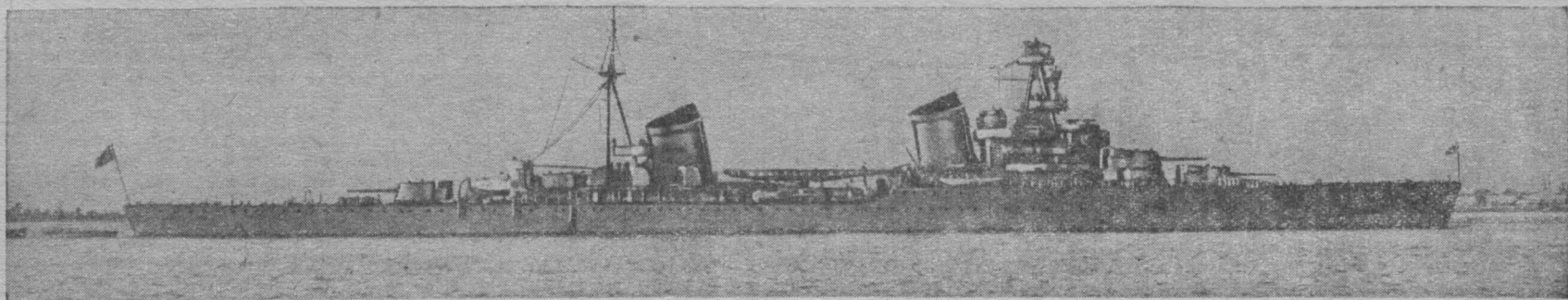
...Последняя цель в этот замечательный полет появилась неожиданно. Машины только что выскочили над озером, как командир увидел необычайную картину. У берега толпились кони, белофинские егеря. В патронных ящиках истребителей еще оставались запасные ленты. И Шинкаренко решил не упустить такого случая. Редко так бывает, когда на ловца и зверь бежит. «А, водоной, — усмехнулся Шинкаренко, — ну мы вас сейчас «напоим», голубчики!»

Шинкаренко подал ведомым команду атаки и пошел в пике. Не заставляя себя ждать, летчики ринулись вслед за ним. Заработали пулеметы, град пуль посыпался на вражеские головы. На земле поднялась настоящая «катавасия», как на Сорочинской ярмарке при появлении красной свитки. А летчики все строчили и строчили.

Кони вставали на дыбы, сбрасывая всадников, люди бежали, падали, ошеломленные внезапной атакой, они бросались в озеро и тонули.

Так шестерка истребителей подразделения Шинкаренко помогла «напоить» коней белофинским егерям.

Довольные и веселые вернулись летчики на свою базу. Уже смеркалось. Но самолеты через несколько минут были готовы к бою. Заботливые хозяева боевых машин, механики, осмотрели машины, произвели полную заправку и вложили в пулеметы свеженькие ленты.

**МОЩНЫЙ КРАСНЫЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ БДИТЕЛЬНО НЕСЕТ
БОЕВУЮ ВАХТУ НА МОРСКИХ РУБЕЖАХ СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА!**

Фото И. Шагина и Я. Халипа

В ПУТИ

Разгромленное, окровавленное местечко безмолвно лежало под хмурым ночным небом и потухшими глазами смотрело, как догорают интендантские склады. Изредка в гнетущей тишине прорывался истошный крик женщины о помощи, но лишь одиночный выстрел отзывался на ее мольбу.

Когда последний обоз отгрохотал по тракту, старый Хацкель вылез из погреба, поставил на воз ящик с остатками оконных стекол, запряг изголодавшуюся клячу и вошел в хатенку.

— Слава тебе, господи! Избавились от разбойников! — шепнул он и зажег лампу.

На полу, опираясь спиной на подушку, сидела его девятнадцатилетняя дочь Крейна. Черная кудрявая голова была взъерошена, а лихорадочные глаза упорно глядели в одну точку.

Три дня назад к ним в хату вошли два польских офицера.

Один был низенький, с одутловатым, обросшим лицом, коротким, тупым носом и бесцветными глазами на выкате. Всем своим видом он напоминал откормленного мопса. Другой — высокий, статный, с поблекшим, кислым лицом. Сняв шинели, они приказали Хацкелю сбегать за выпивкой, а его старухе — приготовить закуску.

Хацкель, униженно кланяясь, с мольбой протянул руки:

— Сбегать можно, но я ведь человек бедный, ясновельможный пане, и в кармане ни гроша.

Мопс взял с комода вышитый бархатный мешочек с талесом¹, со стены сдернул пальто Крейны и протянул Хацкелю:

— Этого хватит на бутылку водки. Но помни, через пятнадцать минут чтоб она была здесь, на столе! Не то... — вынул он револьвер и поставил на Хацкеля.

— Побойтесь бога! — взмолилась старуха.

— Теперь бог с немцами! — ответил офицер и навел на нее дуло.

— Сейчас, пане, спю же минуточку принесу, из-под земли достану, а принесу, — испуганно шептал Хацкель, пятясь к двери.

— Прикажете, может быть, продать и подушки ради вас? — медленно процедила Крейна и вся побледнела.

— Боже упаси! — подошел к ней высокий офицер. — А на чем тогда будет лежать эта кудрявая головка? Зигмунд! Погляди-ка на эти глазницы! А шейка-то, шейка — что у лебедя! А какая нежная кожа!

— Только без рук! — отрезала Крейна и бросилась к двери, но высокий схватил ее за талию и стал тащить в спальню.

— Мама! — крикнула она не своим голосом. — Ма-ма!

Старуха бросилась к дочери, но мопс одним выстрелом уложил ее на пороге спальни.

Точно окаменевшая, Крейна застыла с раскрытым ртом; больше она не кричала и больше не сопротивлялась...

И вот сейчас, выполняя древний обычай, босая и в разодранной одежде сидит она, опозоренная, на полу в трауре по убитой матери.

— Вставай, дочь! — обратился к ней Хацкель. — Поедем!

— Куда? — спросила она угасшим голосом.

— Куда глаза глядят. И сейчас же! Не то чорт принесет новую ватагу офицеров, и кто его знает, кому из нас двоих опять придется сидеть в трауре.

Крейна, сгорбившись, словно надломленная, встала, сунула немного белья и семейную фотографию в наволочку и хотела накинуть на себя шерстяную шаль, но увидела кровавое пятно, и ее руки бессильно опустились.

В этой шали мать была, когда ее настигла пуля злодея.

Кровь из простреленного сердца залила край шали, пропитала ее насквозь и запеклась. Минут пять Крейна стояла неподвижно, и ей казалось, что не с шалью, а с окровавленным сердцем матери в руках стоит она среди немых стен, а в окно глядит ночь, хмурая и мрачная, как вся их жизнь.

— Собирайся, Крейна! — напомнил ей Хацкель, ища замок.

Она подошла к столу и стала рыться в ящике.

— Что ты ищешь?

— Ничего, — ответила она и незаметно для отца опустила за лиф складной нож.

Хацкель потушил лампу, нацупал в темноте мезузу², хотел поцеловать ее, но вдруг разрыдался.

— Идем, отец, идем, слезами не поднять нам мамы из могилы.

Шатаясь, он подошел к возу, посадил Крейну и взял коня под уздцы.

Выехав со двора, Хацкель остановился и долго, долго смотрел на темную хатенку: здесь жил он со своей старухой, растил детей. Двоих сыновей нужда угнала в Америку, двоих — в Африку, пятый томится закованный во Львовской тюрьме... Тридцать лет прожил он вот в этом домишке, а теперь, на закате жизни, стоит с опозоренной сиротой под ночным угрюмым небом... И куда направиться? Не знает. Всюду душегубы. И тьма вокруг такая!

Минут десять стоял он, недоуменно разводя руками, наконец взобрался на воз и тронул коня.

Едва они выехали из местечка, пошел частый холодный дождь, а ветер выл так жалобно, будто оплакивал горькую их судьбу.

Издали доносилась глухая артиллерийская канонада. По тракту поспешно отступали воен-

ные части, и Хацкель с Крейной, промокшие, иззябшие, всю ночь плелись проселками. На заре въехали в лес. Вдруг совсем близко поднялась стрельба. Пуля угодила лошади в голову. Быстро соскочив с телеги, седоки растянулись под ней.

К ним донеслась польская речь, и они так прижались к земле, словно хотели живьем провалиться сквозь нее. Лишь долго спустя, когда говор польских солдат совсем утих, они вылезли из-под воза.

С полураскрытым глазом, ощерив зубы, лежала убитая кляча. Хацкель стоял около и смотрел на нее, как на свою последнюю расстрелянную надежду. «Если там, в местечке, на людях убили жену, а дочь изнасиловали, что же их ждет теперь в лесу?» — думал он, закусив бородку и покачиваясь, как одинокий колос.

Вдруг Хацкель заметил какое-то движение меж стволов и подбежал к дочери.

— Опять идут! Давай, доченька, простимся.

— Идут? — всполюхившись Крейна и, быстро выхватив нож, поднесла к горлу клинок, — живой они меня больше... — но не закончила фразу, всем телом вдруг поддалась вперед.

— Отец, гляди, что-то непохоже на поляков...

— Что, что? — стал Хацкель озираться во все стороны, но, кроме голых, черных стволов, он ничего не заметил.

И вдруг окрик по-русски:

— Ни с места! Руки вверх!

Крейна выронила нож, подняла руки и, дрожа от радости, крикнула во весь голос:

— Красные! Отец, красные!

— Бог с тобою, дочь моя! — Хацкель посмотрел на нее, как на обезумевшую. — Что ты мешешь? Откуда красные?

К ним подошли человек двенадцать красноармейцев с высоким белокурым командиром во главе:

— По-русски понимаете?

— По-русски? — повторил Хацкель и пощупал шинель командира, словно все еще сомневался, сон это или явь. — По-русски? Понимаю, когда-то жил в России...

— Не проходили здесь, дедушка, польские солдаты?

— Вон туды, туды пошли воны! — воскликнула Крейна и указала рукой. — Туды, туды!

— А вы куда едете?

— В могилу, видно! Только теперь туда нам дорога. Видишь, даже лошадь убили! — и Хацкель рассказал, кто он, как застрелили его старуху и сколько лет его младший сын томится во Львовской тюрьме.

Вокруг стояли красноармейцы и молча участливо прислушивались к его словам.

— Стецюк! — крикнул командир одному из подбегавших всадников. — У тебя там, в обозе, есть лишние лошади, дай одну старику.

— Как это — дай? — поразился Хацкель. — Заплатить-то у меня нечем!

— Нечего, дедушка, ты уже заплатил, — дружески хлопнул его командир по плечу, — заплатил своим горем, своей тяжелой жизнью. А еда-то у вас есть?

У Хацкеля дрогнули ноги, и он упал на колени.

— Ну, это никуда не годится! — поднял его командир и обратился к Крейне:

— А как зовут вашего брата?

— Ехизель Гланц, — ответила Крейна, — сидит он в шестьдесят восьмой камере.

— Через несколько дней передадим ему привет не в камере, а на воле.

— На воле? — вскрикнула Крейна, и в глазах ее блеснули слезы.

Тем временем красноармейцы освободили оглобли от мертвой клячи, впрягли коня и положили на телегу две буханки хлеба и несколько банок консервов.

— Когда выедешь из лесу, дедушка, поверни налево. Только не направо, — сказал командир, — там все еще идет бой с поляками. Пошли, товарищи! А вам счастливого пути.

Хацкель долго, долго кланялся им вслед, потом взобрался на воз и дернул вожжи.

— Слышишь, дочь, одной рукой он карает, а другой вознаграждает. Видала такое? И коня дали и верную дорогу указали.

Но Крейна не ответила ему. Она стояла на возу и, глядя вслед красноармейцам, все махала им окровавленной шалью.

А когда те скрылись из виду, Крейна сразу осела, закрыла лицо руками и разразилась плачем, сначала тихо, потом все сильнее, громче, словно эта нежданная встреча вытеснила из груди все ее тяжелое горе.

Перевел с еврейского СЕМЕН РОДОВ

НАРОДНЫЕ ПОГОВОРКИ О КРАСНОЙ АРМИИ

На мир надейся, а по-ворошиловски стрелять не забывай.

Ворошилов Клим — врагам в горле клин.

Винтовка лобит ласку, уход, чистку и смазку.

Мы за пограничниками, как за каменной стеной.

Спасения не чай, когда рубит Чапай.

Укрепляй военную мощь — спокойно проживешь.

Знали, за что били, потому и победили.

Сулил пан земли дать, да некогда было ждать: сами взяли.

С врагом разговаривай, а у пика конец наваривай.

У генералов длинные ноги, да не нашли к Москве дороги.

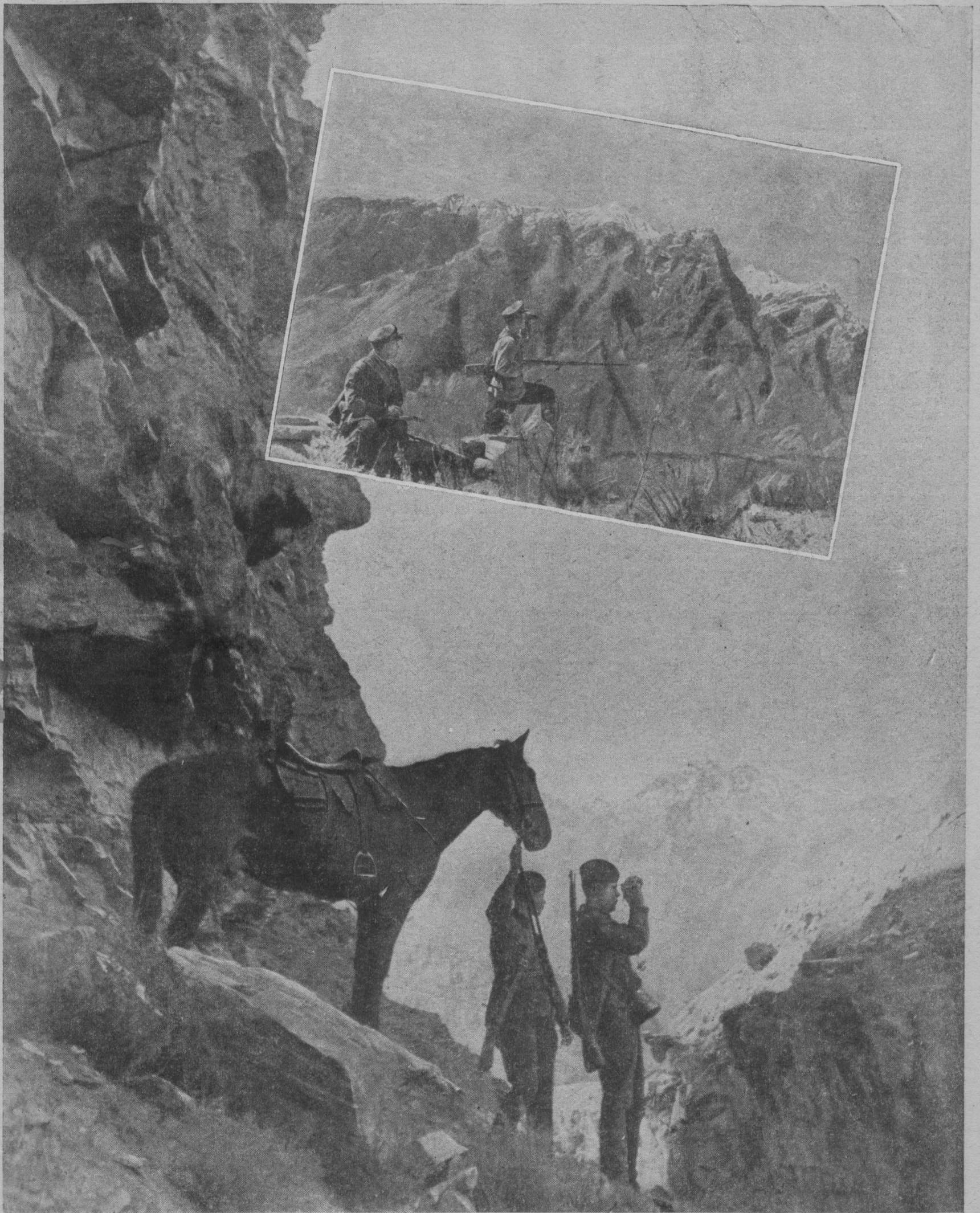
В Красную Армию пошел — родную семью нашел.

От буденновской конницы все генералы хоронятся.

Наш воздушный флот с лица земли врага сотрет.

² Выдержка из молитвы, прикрепленная к двери.

¹ Молитвенное облачение евреев.

НЕУСЫПНА БДИТЕЛЬНОСТЬ КРАСНЫХ ПОГРАНИЧНИКОВ!

Фото В. Шаховского

В. Верещаев

В ЗАПАДНЕ

Из серии «Невыдуманные рассказы о прошлом»

Мы тогда освободили Омск от Колчака и гнали его дальше. Впрочем, я в этом уже не участвовал. В Омск меня привезли больного сыпным тифом. Несколько дней я пролежал в казармах, а потом меня свезли в больницу. Что мне дальше пришлось испытать в течение нескольких дней, — до этого и Данте не додумался в своем «Аде».

Из приемного покоя притащили меня в «палату»; должно быть, это была раньше баня: пол цементный, и в нем воронки с дырками. Нары, и на них вповалку, тесно друг к другу, лежали мы, больные. Больные ходили и мочились под себя. Ухода никакого не было. Только ставили возле каждого больного по бутылке воды. Ночью света не зажигали. Бредили, бились, кричали, умирали. Доктора никогда не появлялись.

Возле меня лежал огромный сибирский казак. Он метался, наваливался на меня, хрипел. Мне казалось, что он умирает. А у самого меня в это время наступил кризис: я лежал, обливаясь потом, в смертельной слабости, с полузатемненным сознанием, и одно только было желание: чтобы ласковая женская рука ободряюще сжимала мне руку. Долгая зимняя ночь и тьма кончались, светало. Я открыл глаза — и вдруг стран-

ная картина: наш санитар, пленный мадьяр с большими черными усами и очень отлогим лбом, наклонившись над казаком, старался снять с его пальца золотое кольцо. Казак машинально все время выдергивал палец. Тогда мадьяр воровато огляделся и вдруг — что это? Что это? — сразмаху ударил казака кулаком в сердце. Казак опрокинулся мне на плечо, подергался и умер. Мадьяр снял кольцо и ушел. А у меня не было даже силы вылезти из-под казака.

На следующий день стали нас одного за другим выносить. Густо наложили в пятитонный грузовик и повезли за город, к станции Сортировочная. Там выгрузили около рельсов в снег, и... Опять: что это? Грузовик запыхтел и укатил. Темнело. Мороз. Больные лежат, плачут, проклинают. Я собрал все силы и пополз через рельсы, меж колес вагонов. Поезда маневрировали, каждую минуту колеса могли двинуться, но было все равно. Идти я не мог, пополз по направлению к городу. Пять верст. Как я полз, это пусть бы уж Данте рассказал. Дополз. Извозчик. Стал его нанимать. Он оглядел меня. А вид у меня ужасный: оброс, исхудал, лицо, как на черепае, рваная вшивая шинель.

— А деньги есть заплатить?

— Есть, не беспокойся.

Велел везти в штаб нашего корпуса. Подъехали — вывески нет, в комнатах пусто. Старуха объяснила: корпус ушел в Красноярск. Полное отчаянье. Объясню извозчику:

— Оказывается, уехали все, а у меня денег нет.

— Ну, снимай что-нибудь, хоть шинель.

— Ведь замерзну без шинели.

— Что там у тебя? Френч еще? Ну, давай френч.

Отдал френч, пополз по улице. Куда? Сам не знаю. Вдруг вижу: идет старик в золотых очках, с седой бородой клинушкой. Доктор Задорожный. Он меня лечил в казармах, пока я не попал в больницу. Я прохрипел:

— Доктор Задорожный!

Он наклонился. Я ему в двух словах рассказал о моем положении. Он меня поднял, привел под руку к себе. Усадил в глубокое кресло, напоил чаем. Я, задыхаясь от волнения, стал рассказывать все, что пережил в эти дни. Доктор внимательно смотрел на меня.

— А это не пригрезилось вам? — спрашивает меня.

— Нет, все это правда!

Рассказал, как нас отвезли на Сортировочную и там бросили на морозе.

— Ну, бред! Ясное дело!

— Доктор, не бред, я вас уверяю! Пошлите сейчас же телеграмму, ведь товарищи там замерзают, может быть, успеем их еще спасти!

— Пошлем, пошлем телеграмму. Сегодня же распоряжусь.

Горячий чай с коньяком, мягкая чистая постель... О, какое это блаженство! Раз уж тут в дело Данте замешался, то — прямо из третьей части «Божественной комедии» — «Il paradiso» (рай)!

Спал всю ночь, весь день и всю следующую ночь. Спасибо старику-доктору! Сообщил, что устроил меня, дал записку к доктору больничному, повезли меня — ужас безмерный: та самая больница!

Пролежал я там еще с неделю. Организм у меня могучий, поправлялся быстро. Странное что-то творилось в больнице. Трое было здесь врачей, но они почти к нам не являлись. Изредка пройдет, с скучливым видом выслушает, что-то неохотно пробурчит санитару — и дальше. Больница была расположена в нескольких зданиях. В одном из них в окна огонь горел до поздней ночи, слышались веселые голоса, споры, иногда даже приглушенное пение. А в остальных, у нас — темнота кромешная, стона.

Меня выписали. Пришел в ревком, рассказал о своих недоумениях. Меня назначили комиссаром больницы. На следующий день вхожу в канцелярию больницы. Вдруг казначей поспешно бросил в денежный ящик пачку денег и запер ящик на ключ. Он был очень бледен.

— Откройте ящик.

— Не имею права, я отвечаю за его содержание.

— Откройте ящик.

— Да кто вы такой? Я не знаю. (Приказом я еще не был проведен.)

Быстро встал и хотел уйти. Я вынул наган и навел на него. Прочел в моих глазах, что выстрелю. Дрожашею рукою открыл ящик. Он весь был полон маузеровскими патронами.

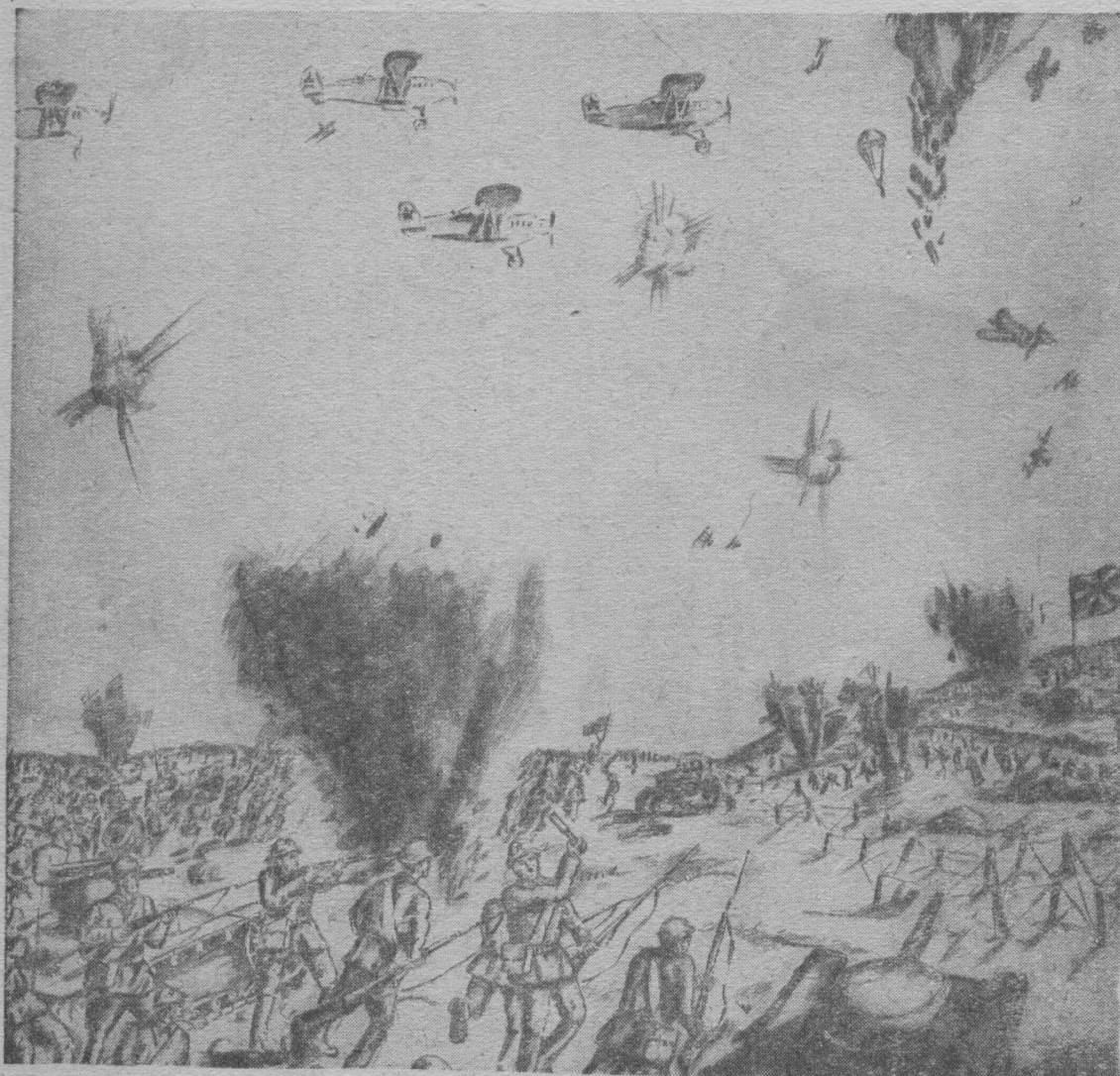
Казначей наклонился ко мне и шопотом проговорил:

— Я поделюсь с вами половиною барышей!

Хотел показать, что просто ими спекулировал. Сделали мы повальный обыск во всем госпитале. В сараях под дровами, в амбарах и складах под мукою и припасами — везде оказались запрятанными пулеметы, винтовки, маузеры. Под видом больных в одном из больничных зданий — в том, в котором по ночам горели огни, — оказалась масса скрывающихся здоровых офицеров. Это для них очищали помещения, когда нас вывезли из грузовике в поле.

Телеграммы об этом доктор с седенькой бородкой никуда, конечно, не послал. Мы откопали в сугробе трупы семнадцати замерзших товарищей. И никуда он не сообщил о том, что, как я ему рассказал, творилось в больнице.

— За приют вам, доктор, спасибо. И я вас не расстреливаю. Но запомните на будущее, что такие шляпы, как вы, нам совершенно ненужны, и мы с ними расправляться умеем.

Автор рисунка — Валерий Ломов 13 лет.

Юный художник живет в Новосибирске. Обращает на себя внимание сложность композиции: Валерий Ломов дает показ боя на земле, нападении красных самолетов на воздушного противника и т. д. Композиция выполнена карандашом. (Из коллекции детских рисунков, собранных Центральным домом художественного воспитания, Москва.)

ВСТРЕЧИ СЕРГО С ЛЕНИНЫМ

Решт — типичный иранский город, с узкими, как щель, переулками, на которых с утра до ночи толпятся пестрые и крикливые люди.

В середине 1909 года Решт сделался средоточием северной революционной иранской армии, которая вела борьбу с шахом и английскими и царскими колонизаторами. Сюда, в этот центр иранского революционного движения, бакинские большевики и направили Серго. Он помогал революционным деятелям Ирана организовывать народные массы, участвовал в походе Сардар-Мухи, создавал интернациональные клубы и пр.

Работая в Иране, Серго связывается с Лениным и начинает с ним систематическую переписку. «Я помню, — пишет Крупская, — обстоятельную переписку, которая с ним (Серго. — З. О.) велась по выяснению линии, которую занял Ильич по отношению к плехановцам, ликвидаторам и впередцам».

На окраине Парижа, около самого городского вала, была глухая улочка Мари-Роз. Здесь в 1910—1911 году жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Они занимали маленькую квартирку — две комнаты и кухня; окна выходили в какой-то сад.

Однажды в комнату вошла консьержка, она обратилась к Надежде Константиновне:

— Пришел какой-то человек, ни слова не говорит по-французски, должно быть, к вам.

Надежда Константиновна спустилась по лестнице и увидела доселе ей неизвестного кавказца. Он стоял и широко улыбался. Это был Серго. Он приехал к Владимиру Ильичу прямо с вокзала.

На улице Мари-Роз произошла первая встреча Серго с Лениным. По словам Н. К. Крупской, «с тех пор он стал одним из самых близких товарищей».

Весной 1911 года Ленин организовал в деревне Лонжюмо партийную школу. Лонжюмо находилось в 15 километрах от Парижа, в местности, где не было никаких дачников, никаких русских.

Серго был вольнослушателем ленинской школы. Занятия проходили регулярно; Владимир Ильич прочитал 30 лекций по политической экономии, 10 лекций по аграрному вопросу и 5 лекций по теории и практике социализма. Среди других лекторов был А. В. Луначарский, который читал лекции по литературе.

В августе 1911 года Серго, по заданию Ленина, выехал в Россию. Он должен был решить задачу огромной важности: объединить местные партийные организации в России, вырвать их из-под влияния меньшевиков и примиренцев, наладить нелегальную работу и организовать выборы делегатов на партийную конференцию.

В январе 1912 года в Праге началась работа партийной конференции, которая носит название Пражской. Конференцией руководил Владимир Ильич. Сталина на конференции не было, он находился в ссылке. Серго присутствовал на конференции как делегат тифлисской организации.

На первом заседании конференции Серго выступил с обширным докладом о работе, проделанной Российской организационной комиссией.

По докладу Серго была принята резолюция, в которой, между прочим, говорится: «Конференция считает своим долгом отметить громадную важность произведенной Российской организационной комиссией работы по сплочению всех российских партийных организаций».

Оценивая значение Пражской конференции, товарищ Сталин писал:

«Эта конференция имела величайшее значение в истории нашей партии, ибо она положила между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию» («История ВКП(б)», стр. 137).

Многие годы провел Серго в плену у царизма — в тюрьмах, на шлиссельбургской каторге,

по этапам и в ссылке. После свержения самодержавия Серго в июне 1917 года приехал из Якутска в Питер. По предложению Ленина, он был введен в Петроградский комитет большевиков и в Исполнительный комитет Петроградского совета.

Обстановка была очень тревожная. В июльские дни контрреволюция поднялась против надвигающейся революционной грозы.

Ленин ушел в подполье и жил сперва в знаменитом шалаше на станции Разлив, а после — в Финляндии.

Перед большевистской партией стоял вопрос о созыве шестого партийного съезда. Руководил подготовкой съезда Сталин. Серго, по поручению Сталина, должен был поехать к Владимиру Ильичу. Серго сам описал свою поездку:

«...Сталин предложил мне поехать к Ленину, чтобы, с одной стороны, информировать Ленина, а с другой — получить от него директивы... Мне был дан адрес одного рабочего, жившего недалеко от Сестрорецка (не доезжая одну или две станции), и пароль. С большой осторожностью я взялся за это, боясь, как бы не подцепить шпики и не провалить местопребывания Владимира Ильича».

Серго прибыл на станцию ночью. Побродив не-

много, он нашел нужный ему дом. Самого рабочего не оказалось дома, и жена его послала своего десятилетнего сына проводить Серго. Они пошли к озеру, сели в лодку и, переправившись на другой берег, пошли по кустарнику. Серго решил, что Ленин живет на какой-нибудь даче. Вдруг они остановились около сенокоса, где стоял небольшой стог сена. Мальчик окликнул кого-то по имени. Вышел какой-то человек, который оказался отцом этого мальчика. Серго поздоровался с ним, объяснил ему, в чем дело.

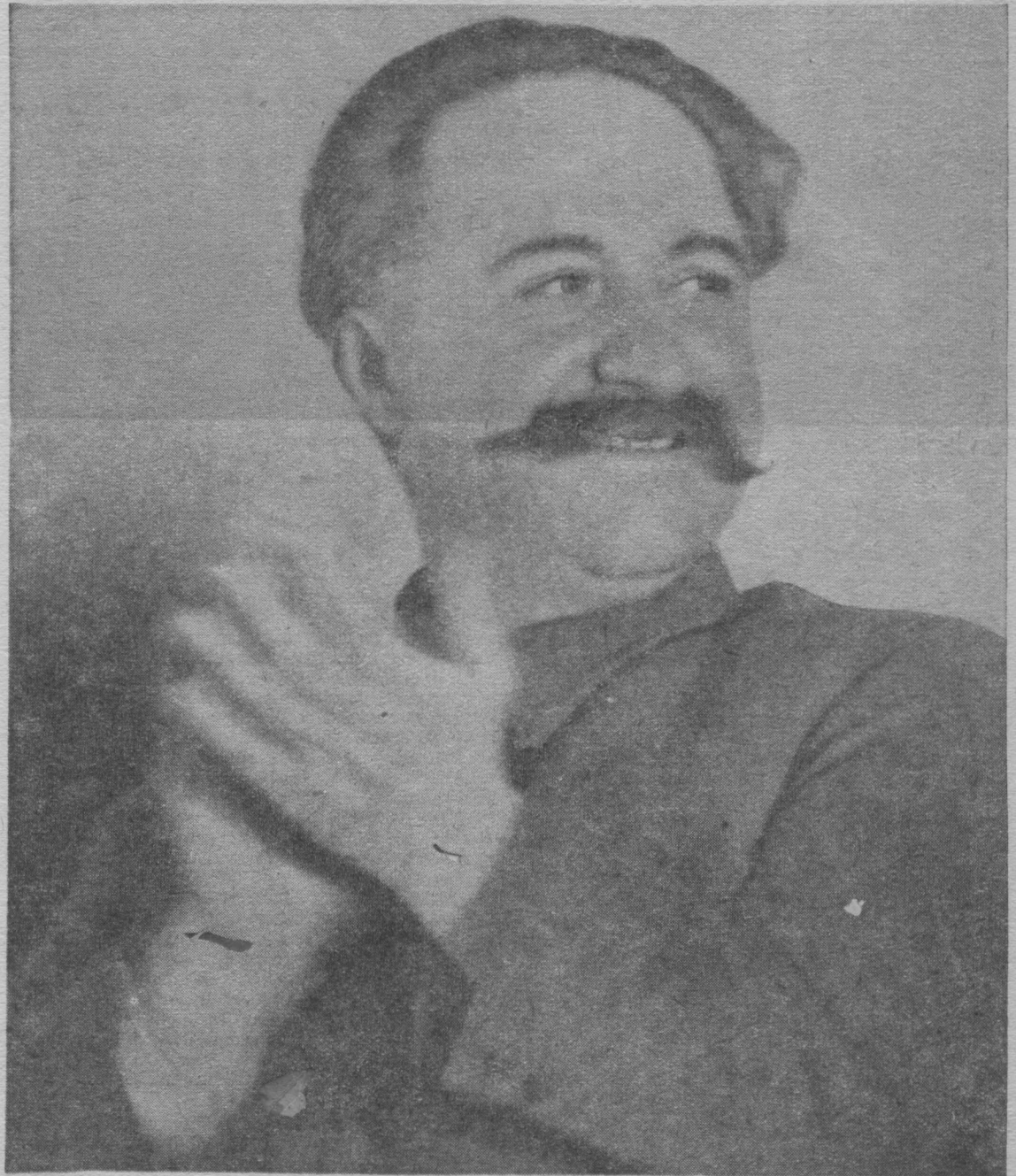
«Думаю, дальше поведет к Ленину, — вспоминает Серго. — В этот момент подходит ко мне человек, бритый, без бороды и усов. Подошел и поздоровался. Я ответил просто, сухо. Тогда он хлопает меня по плечу и говорит:

— Что, товарищ Серго, не узнаешь?

Оказалось, что со мной говорит товарищ Ленин. Я восторженно пожал ему руку. Пошли разговоры. Через несколько минут Ильич предложил мне поужинать с ним. Оказалось, что у него самого ничего нет: кусочек черного хлеба и селедка. Вот и весь ужин.

После этого «ужина» беседу перенесли в «аппартаменты» Ленина. Таковыми являлся стог сена, в который мы и влезли. Свежее сено пахло великолепно, было тепло. Долго я рассказывал, что делалось в городе в его отсутствие, каково настроение рабочих, солдат, что делается в нашей организации в Петроградском совете. Владимир Ильич выслушал меня и, задав ряд вопросов, сказал:

— Меншевистские советы дискредитировали себя. Недели две тому назад они могли взять власть без особого труда. Теперь они не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь путем вооруженного восстания; оно не за-

Серго Орджоникидзе на XVII чрезвычайном всероссийском съезде советов. 1937 год.

Неопубликованное фото А. Гаранина

«Серго Орджоникидзе в разведке под Борисовом».

Скульптура А. И. Жорова. Выставка «Сталин и люди Советской страны».

ставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября—октября».

Владимир Ильич подготовил ряд маленьких статей, письма к Сталину и другим товарищам. Серго взял их, попрощался и ушел.

...Шестой съезд большевистской партии был съездом подготовки Октябрьского штурма. Политический доклад делал Сталин. Содокладчиком по вопросу явки Ленина на суд был Серго. Он говорил:

— Им важно выхватить как можно больше вождей из рядов революционной партии. Мы ни в коем случае не должны выдавать товарища Ленина.

В 1918 году борьба за хлеб приобретала значение важнейшего государственного вопроса, вопроса жизни и смерти Советской страны.

— Кажется, что это борьба только за хлеб,— говорил Ленин,— на самом деле это борьба за социализм.

В этой великой борьбе за хлеб, за социализм большая работа пала и на долю Серго. Он был назначен временным чрезвычайным комиссаром района Украины и был облечен весьма важными полномочиями по снабжению хлебом Петрограда и Москвы и других местностей Советской России, нуждавшихся в продовольствии. Помимо этого Серго должен был объединить действия советских организаций на Украине.

Ленин и Сталин непосредственно руководили всей работой Серго. Сталин неоднократно запра-

шивал Серго по прямому проводу. Он интересовался, сколько вагонов хлеба грузится для Питера, сколько могут дать пудов Екатеринославская и Херсонская губернии, сколько хлеба имеется на колесах по пути к Питеру и т. п.

В телеграмме от 3 февраля (22 января) 1918 года Ленин писал Серго:

«От души благодарю за энергичные меры по продовольствию. Продолжайте ради бога изо всех сил добывать продовольствие, организовывать сбор и ссыпку хлеба, дабы успеть наладить снабжение до распутицы. Вся надежда на Вас, иначе голод к весне неизбежен».

11 апреля 1918 года Совнарком РСФСР издал декрет об образовании Чрезвычайного комиссариата юга России. Руководить комиссариатом был назначен Серго.

Некоторое время Серго находится в Царицыне, где под руководством товарища Сталина организовывал отправку в Москву и Питер хлеба, вел упорную борьбу с меньшевиками и эсерами, лично участвовал в боях с белоказаками.

В середине лета 1918 года Серго переезжает во Владикавказ—столицу Терской республики.

Ночью (это было с 5-го на 6 августа 1918 года) белоказачьи отряды меньшевика Бичерахова ворвались во Владикавказ. Ими командовали полковники Беликов и Соколов.

В разгаре борьбы Серго написал мне подробное письмо (я в то время находилась в Тифлисе) и рассказал о тяжелом горе:

«...Наш дорогой Ильич ранен двумя пулями. Его ранили, когда он выходил после митинга.

Ранила женщина—эсерка. Пока трудно сказать, останется жив или нет,—раны очень серьезные. На меня это подействовало очень сильно, ибо без дорогого Ильича мы будем сиротами. Будем надеяться, что на зло всевозможным негодьям наш Ильич останется жив...»

Летом 1919 года Серго прибыл в Москву и сделал Ленину подробный доклад о положении дел на Северном Кавказе. После этого он сражался под руководством товарища Сталина сперва в Белоруссии против белополяков, после—под Орлом, Курском, Харьковом, Ростовом против Деникина. С южного фронта Серго неоднократно писал Владимиру Ильичу подробные письма, рассказывал ему о положении на отдельных боевых участках.

Пятого ноября Серго писал Ленину:

«...Думаю, что Деникина разобьем, во всяком случае о Москве он должен перестать думать. Только, Владимир Ильич, ради всего трубите в печати, не давайте заснуть тылу. Самое незначительное внимание тыла радует красноармейцев, как маленьких ребят. Думаю больше не надо давать Вам. Сталин наверное уже сообщил Вам все. Ему, как ближайшему начальнику, сегодня послали официальное донесение. Я теперь все по команде, дорогой Ильич. С Сталиным живем очень хорошо. Не откажите передать мой горячий привет Надежде Константиновне. Разрешите крепко пожать Ваши руки и расцеловать Вас».

На одном из писем Серго Ленин сделал такую приписку: «По отзывам... Сталина, Серго надежнейший—военный работник. Что он вернейший и дельнейший¹ революционер, я знаю его сам больше 10 лет».

Когда гениальный сталинский план по разгрому Деникина был реализован, Ленин и Сталин назначили Серго членом РВС кавказского фронта. Совместно с товарищами Кировым и Микояном он освободил Азербайджан, а вскоре послал Ленину радостную телеграмму:

«Реет над Тифлисом знамя Советской власти. Да здравствует советская Грузия!»

Отгремели годы гражданской войны. Серго работает в Закавказье, он неуклонно проводит в жизнь ленинско-сталинскую национальную политику, борется за объединение народов Закавказья в единую семью, за восстановление промышленности, за культурный подъем Армении, Грузии и Азербайджана.

Летом 1922 года Ленин тяжело заболел. Серго телеграфировал товарищу Сталину:

«Москва ЦК РКП тов. Сталину. Тифлис. 15/VI—22 г. Прошу сообщить здоровье Ильича. Нельзя ли регулярно извещать. 244. Орджоникидзе».

Владимир Ильич выздоравливал, силы постепенно возвращались к нему. 17 июля товарищ Сталин смог уже послать Серго радостную весть:

«Москва 17 июля. Вчера после полуторамесячного перерыва врачи разрешили Ильичу посещать друзей и заниматься по несколько часов работой. Я был у Ильича и нашел, что он поправился окончательно. Сегодня уже имели от него письмо с директивами по политическим вопросам».

Врачи думают, что через месяц он сможет войти в работу по-старому. Сталин».

Большую работу вел Серго по созданию федерации закавказских республик. Ему пришлось выдержать бешеную атаку грузинских буржуазных националистов, которые пытались даже оклеветать Серго. Но это им, разумеется, не удалось».

Пятнадцать лет работал Серго под непосредственным руководством Ленина. В далеком Иране, в суровом большевистском подполье, на фронтах гражданской войны, в боях за единство партии и чистоту ее рядов, на строительстве в Закавказье—где только не побывал Серго по директивам Ленина и Сталина!

Имя Серго вошло в историю СССР как имя командарма тяжелой промышленности, неутомимого борца за могучий размах сталинского движения. Ленин мечтал о том времени, когда мы «в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну,—на лошадь крупной машинной индустрии, электрофикации, Волхостроя и т. д.».

Эта мечта сбылась. Сталин—великий друг и преемник Ленина—пересадил нашу страну на лошадь Днепрогоса, тракторных и комбайновых заводов Магнитки и Кузнецка.

¹ Подчеркнуто Лениным трижды.

М. ГОРЬКИЙ И ФИНСКИЙ НАРОД

Помню, когда в беседах заходила речь о Финляндии, Алексей Максимович с тяжелым презрением отзывался о правящей там клике и всегда с теплой, давней и сильнейшей симпатией — о прекрасной стране Суоми и о финском трудовом народе, его борьбе с суровой природой, его народном эпосе «Калевала», воплотившем эту борьбу.

Еще в начале своей литературной деятельности, будучи корреспондентом на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде, Горький отмечает финских художников, их демократизм, их умение видеть быт своей страны и своего народа. «Жанровые картины», — писал Горький о русских художниках, представленных на выставке, — почти отсутствуют в массе пейзажей и, право, маленькая Финляндия может служить уроком России, в лице ее художников. Вот, например, картина Альстедта «Горе» — вы сразу видите, что художник глубоко чувствовал то, что писал. Картина изображает кладбище: между могилами группа людей, среди ее гробик, в нем ребенок. Лица девочек, поющих надгробные молитвы, прелестны — так много горя в них и во всех, кто стоит около гробика.. Не оригинальная это тема, но вы сразу видите, что она написана вдохновенно и горячо и что это маленькое горе близко сердцу художника. Картина Эрнефельда «Пожога» — изображает людей, فروющихся на пожарище в золе и в пепле среди тлеющих углей, и сколько в нем, в этом полотне, драмы, горя, скорби. Прекрасна картина Галлонена — «У костра». В лесу, на снегу, среди печальных, покрытых инеем деревьев, горит живым огнем костер и трое финнов сидят вокруг него. На их лицах, — как и на всем вокруг них, — дрожат багровые отблески огня. Вы чувствуете, что еще ярче, чем огонь костра, горит сердце художника любовью к своей суровой стране и к людям ее — хмурым, печальным, утомленным борьбой с ней бедным людям. И с каждой жанровой картины финляндца бьет в глаза эта любовь к своей стране и к ее людям...

Но ближе ознакомиться с этой страной Горькому пришлось лишь в бурные годы 1905—1906, когда, пос-

ле заключения в Петропавловской крепости, высылки в Лифляндскую губернию и кратковременного пребывания в Крыму под полицейским надзором и при запрещении жить в столицах, он впервые поселился летом 1905 года в Финляндии, поддерживая постоянные связи с русскими и финскими революционерами. После участия в декабрьском восстании 1905 года, когда над Горьким снова нависла угроза правительственного преследования, популярность его в среде революционной финской интеллигенции и в массах финского народа чрезвычайно выросла.

В январе 1906 года партия большевиков посылает Горького в Америку агитатором за русскую революцию. Из России он выехал через Финляндию, и встреча его в этой стране приняла невиданные до того формы.

22 января в Гельсингфорсе был организован большой русско-финский вечер с участием Горького. В этот день, как вспоминает писатель Скиталец, в гостинице за круглым столом сидели Горький, М. Ф. Андреева и начальник «красной гвардии», как называлась тогда в Финляндии народная милиция.

— Переведите, пожалуйста, Алексею, — возмущенно говорил Горький М. Ф. Андреевой, — что я никогда не забуду Финляндии и ее прекрасного народа, ее художников, ее патриотов и счастливейших для меня дней, пережитых в Финляндии. Скажите ему, что если когда-нибудь я должен буду искать угля в России, где бы поселиться на остаток моей жизни, — то это будет Финляндия!

В это время где-то близко на улице грянул духовой оркестр. Все кинулись к окнам. Улица была полна празднично разодетой толпой.

— Что это значит? — спросил Скиталец.

— Сегодня финский праздник, — объяснил Горький, — чествование памяти ихнего народного поэта Рунеберга: он для них все равно, что Пушкин — для нас! Вот как умеют чтить своих поэтов финны! Но позвольте... — перебил он себя, — они направляются сюда?

Оркестр, сопровождаемый все возрастающей толпой, приближался к подъезду. Толпа с обнаженными головами загрохотала улицы. У музы-

А. М. Горький на лыжах. Мустаямки (Финляндия). 1914 год. Музей Горького (Москва)

кантов были перекиннуты через плечи широкие красные ленты. Едва умолк оркестр, как запел стройный хор.

— Это вас, вас чествуют! — говорила Горькому М. Ф. Андреева, — выходите на балкон!

Пение умолкло. Тотчас же с другой стороны загудел новый хор. Потом опять заревели трубы. Толпа прибывала, и уже не видно было ей конца.

С трудом открыли дверь на балкон, забитую по-зимнему.

Горький появился на балконе. Прерывающимся голосом он крикнул: «Да здравствует Финляндия!»

Толпа дрогнула от восторженных криков. Люди махали шляпами и шапками, что-то крича.

Горький повторил свое восклицание и опять вызвал гул толпы.

Было что-то трогательное во всем этом внезапном происшествии, в таком выражении любви многотысячной толпы к одному человеку из страны, где терпела поражение первая революция: надежды Финляндии падали вместе с надеждами русской демократии.

Горький вбежал в комнату с мокрым от слез лицом. На улице гремел оркестр, чередуясь с хорами певцов. Толпа не расходилась и все прибывала: крыши соседних домов чернели от зрителей.

А когда Горький со своими друзьями спустился вниз, чтобы ехать на финско-русский вечер, на улице, с обеих сторон крыльца, двумя живыми стенами стоял народ. Посредине оставалась только узкая дорожка, застланная ковром, которая вела к саям, украшенным гирляндами свежих красных роз. Но сани были без лошадей: оглобли держали люди.

— Я не могу! — взволнованно говорил Горький, — я пойду пешком!

Тогда, слегка раздвинув других, встал перед ним начальник «крас-

ной гвардии», серьезный, с седыми усами, с широкой красной лентой через плечо, выпрямился по-военному и сказал:

— Народ этого требует от вас! Горький подчинился и сел в сани, но с непокрытой головой.

Тронулся тихий, торжественный поезд; вперед во всю ширину улицы густо двинулась оплошная, медленная, почти печальная толпа; сзади саней шли десятки тысяч людей с непокрытыми головами. Не было видно конца толпе ни спереди, ни сзади: в демонстрации участвовало не меньше сорока тысяч. Где-то в этом море людском потерялся затертый и заглушенный гулом движения оркестр, издававший трубные, торжественно-печальные звуки.

Шествие двигалось медленно и торжественно. И медленно катились неудержимые слезы по бледному лицу триумфатора.

Так рассказывает очевидец этого события Скиталец.

О том же доносит Петербургское охранное отделение министру внутренних дел с несколькими иными подробностями:

«Красная гвардия» выстроилась шпалерами от гостиницы до пожарного депо. Затем к гостинице были поданы сани, в которые сел Алексей Пешков (Максим Горький), и в это время хор запел, и музыка заиграла финский народный гимн. Пешков, сняв шапку, кричал: «Да здравствует свободный финский народ!», и все время, когда его везли, он стоял в санях и говорил речь».

Из донесений тех же жандармов мы узнаем, что, когда собравшийся через три месяца съезд представителей «красной гвардии» послал Горькому в Америку приветствие, от него была получена ответная телеграмма: «Сердечно благодарю. Элекая любимая Финляндия! Элекек

На даче у И. Е. Репина в Куоккале (1907 год). Слева направо: А. М. Горький, В. Стасов и И. Репин.

«Красная гвардия! Дружеский привет всем товарищам. Элекеи дух человеческой свободы!»

Заграницей Горький тишет ряд своих знаменитых воззваний и памфлетов, направленных на разоблачение правительства Николая II и всей темной реакционной своры. Разъяренное этим царское правительство не раз поднимало (не очень успешно, впрочем) против Горького политическую полицию Европы и Америки. Одним из таких революционных воззваний Горького было обращение к Европе в защиту финского народа от царских сапранов. Это было в 1907 году. «Они кажутся царю врагами,— писал Горький о финнах,— потому что пользуются конституцией, они неприятны, видимо, и потому, что отказываются пить водку, они враждебны русской полиции и шпионам потому, что не позволяют в своей стране провозврата и насилия, не допускают арестов русских беглецов, наконец, они культурны, а потому враждебны правительству полуграмотных чиновников и безграмотных генералов, правительству, составленному из очень жестоких людей и не совсем ловких воров».

Копию статьи Горький переслал в Финляндию вместе с письмом. В письме Горький договаривает то, что он не мог сказать в своем обращении в иностранные газеты. С гневом он пишет об измене правящей финской плутократии интересам финского народа.

«Правительство Финляндии,— пишет М. Горький,— должно было идти навстречу желаниям своего народа, ему следовало всячески заботиться об организации отпора, на случай возможного нападения со стороны русского правительства, а не заигрывать, не лобезничать с этим правительством, как это было допущено финляндским сенатом не однажды. Правительство Финляндии и ее закиточные классы игнорировали законных желаний своего рабочего народа и позабыли, что во дни борьбы за свободу страны,— только народ способен бороться за нее. Вы, финны, забыли также и то, что в России единственный истинный элемент — ее революционеры. Только они стоят в непосредственной близости к массам русского народа и только они знают цену свободы, цену культуры. Лишь они способны внушить — и внушают — массе русского народа и солдатам, детям ее, уважение к политической независимости Финляндии и всякой иной страны. И потому Финляндия, в интересах своей свободы, своей культуры — должна была идти рядом с революционерами России — это ясно, как звезды. Не надо было забывать, что враг финна — не русский, а враг русского — дом Романовых».

С великолепной четкостью указал Горький еще в те годы наговор финской плутократической шайки с русскими реакционерами, на предательство ею кровных интересов финского народа, на все то, что на наших глазах в лице Каяндеро — Эрко — Ташнеро, пресмыкающихся теперь перед другими хозяевами, расцвело таким омерзительным махровым цветом.

И если бы сейчас он был с нами, то, несомненно, как и в зимний день 1906 года, Горький и теперь, но уже на весь мир, как он умел это делать, провозгласил бы тот же радостный клич: «Да здравствует свободный финский народ!»

В. Нечаева

«ДМИТРИЙ КАЛИНИН»

Юношеская драма В. Г. Белинского

Сто лет назад, в николаевской России, сдавленной гнетом бюрократически-полицейского режима, полной мерзости крепостнических отношений, великий критик Белинский вдохновенно писал, провидя будущее, о нашем времени — о 1940 годе. Он завидовал нам, встал вперёд к далекой и прекрасной эпохе.

Двадцатилетним студентом Белинский выступил на борьбу о «глухой действительности» и в своей драме «Дмитрий Калинин» (1830—1831 годы) смело сокрушал тиранию и деспотизм на небесах и на земле, обличал неправду и предрассудки, которыми была пропитана русская жизнь.

17 февраля 1831 года Белинский писал родителям о своей драме: «В этом сочинении, со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем недовольством души, ненавидящей несправедливость, я в картине довольно живой и верной представил тиранию людей, присвоивших себе бибельное и несправедливое право мучить себе подобных».

Не отдавая себе отчета в той варварской силе протеста, борьбы, которую он вложил в свое первое сочинение, молодой автор отдал его на суд цензуры: он не сомневался в том, что его пьеса увидит свет.

Но то, чего еще не понимал двадцатилетний Белинский, хорошо поняли цензоры-профессора. Их не ввели в заблуждение ни скромное предисловие автора, ни его два-три подстрочных примечания в благонамеренном духе, которыми он несколько пассивно старался ослабить силу своего обличения. Цензоры очень ясно ощутили, что несмотря на ультра-романтическую форму драмы, автор ее «практически подвал подкол под весь общественный строй» своего времени. Призывному к ответу студенту Белинскому пригрозили каторжными работами и при первом удобном случае исключили из университета «за неспособность». Рукопись же его драмы задержали в Комитете, и только через 60 лет текст ее полностью появился в печати в «Сборнике Общества любителей российской словесности на 1891 год».

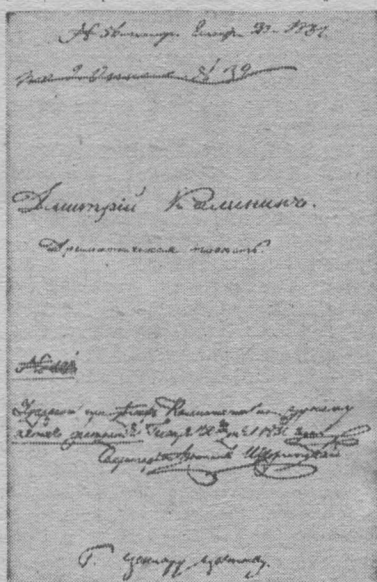
Представленный в Цензурный комитет «самолитно» Белинским экземпляр драмы хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Драма переписана не совсем исправно и разными почерками на толстой бумаге размером в лист и представляет сшитую тетрадь. На первом листе, служащем обложкой, кроме заглавия «Дмитрий Калинин. Драматическая повесть», имеются следующие даты и пометки: наверху обложки дата поступления в цензуру: «№ 56 поступ. Генваря 23 1831»; вероятно, при поступлении была вышита сделана надпись: «Г. цензору Цветаеву». О своем цензоре Белинский сообщал родителям: «...мое сочинение цензуровал Л. А. Цветаев (заслужен-

ный профессор, статский советник и кавалер)... По середине обложки надпись, сделанная секретарем после рассмотрения рукописи Комитетом:

«Удержана при делах Комитета по журналу пятого заседания Генваря 30-го дня 1831 года».

Секретарь адъюнкты Щедритский».

Вся рукопись пьесы испещрена на полях карандашными отметками, поставленными против тех мест, где молодой автор, обличая «тиранство», рисовал очень реалистические картины крепостного права, давал острую сатиру на дворян-крепостников или фило-

Обложка драмы В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин» с пометками цензуры.

софствовал по поводу несправедливости и бессмысленности существующих законов и предрассудков. Цензор старательно отметил следующие крамольные слова автора-демократа, вложенные им в уста героя пьесы — крепостного: «Права происхождения, предки, суть не что иное, как предрассудки, постыдные для человечества, что единственно одни достоинства личные должны давать права на почести и славу».

Отметил цензор и «вольнотумные» высказывания автора о «браке: «Неужели ты думаешь, что согласие родителей, пустые обряды дают право двум существам питать друг к другу любовь и наслаждаться ею? Неужели ты следуешь этим глупым унизительным для человечества предрассудкам?» Кроме пометки на полях цензор подчеркнул выражение **пустые обряды**.

Такие определения, как например «пустое звание дворянина» или «этот лакей выше и благороднее всех князей и графов», старательно отмечены цензором. Он отмечал и сентенции общего характера в рассуждениях героя и бытовые реплики старика-дворянина и горничной Лизы: «Когда законы противны правам природы и человечества, правам самого рассудка, то человек может и дол-

жен нарушать их», — учит Дмитрий Софью. «Бейте, пока живы», — говорит не без угрозы старик Иван взбешенному помещику. «Знать, уж у господ обычай такой: хоть околеи, ни в чем не поверят своим слугам, как будто в нас не такая душа, как в их благородиях», — жалуется Лиза: — «чай у бога-то все равны. Здесь им хорошо повелевать нами, а на том-то свете, небось, не такую затанут песню». Как видно из приведенных цитат, протест Белинского — не только протест, но и призыв к уничтожению существующих отношений, к возмездно поработителям за творимое ими зло.

Длинный рассказ Ивана о жестокостях помещицы Лесинской и ее сыновей в обращении с крестьянами, преисполненные слепой ненавистью, грубостью и глупостью речи помещиков, лстиво-удлинные, елейные реплики ханжи-приживальщика — все это старательно отметил на полях карандаш цензора. И, конечно, отметил он и заключительный монолог Дмитрия, в котором автор достиг высшего пафоса обличения:

«Неужели эти люди для того только рождаются на свет, чтобы служить прихотям таких же людей, как и они сами?.. Кто дал им это глубельное право — одним людям поработать своей власти волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Кто позволил им ругаться правами природы и человечества? Господи может, для потехи или для рассеяния, содрать шкуру с своего раба; может продать его как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сестрами, с братьями и со всем, что для него мило и драгоценно!.. Милосердный боже, отец человек! ответствуй мне: твоя ли премудрая рука произвела на свет этих змиев, этих крокодилов, этих тигров, питающихся костями и мясом своих ближних и пьющих, как воду, их кровь и слезы?»

Драма Белинского не могла не вызвать ужас у цензоров-авантюристов. Она была признана ими «безнравственной», «бесчестящей университет». Угрозы лишения прав состояния, ссылки в Сибирь посыпались на автора. Нельзя сомневаться в том, что эти угрозы претворились бы в действительность, если бы Белинскому удалось напечатать свое произведение. При всех литературных недостатках драма Белинского по потрясающей силе и смелости обличения может быть приравнена только к его же знаменитому «Письму к Гоголю», за одно чтение которого николаевский суд приговаривал к смертной казни и каторжным работам (петрашевцы), к тому письму, которое Ленин в 1914 году назвал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

ТЕАТР КРАСНОЙ АРМИИ

...В маленьком бревенчатом сарае неподалеку от границы шел спектакль. Один из актеров, не занятый в очередной сцене, вышел во двор покурить. Вглядываясь в очертания сопок, смутно вырисовывавшихся в вечерней мгле, он вдруг услышал у самого уха свист пули. Пролетев мимо, она впиалась в стену сарая. Артист спокойно потушил папиросу и вернулся на сцену. Свою роль военкома он давно не играл с таким подъемом, как в этот вечер.

Этот случай произошел в 1929 году с актером только что созданного тогда Театра Красной Армии. Во время конфликта на КВЖД группа артистов этого театра еще в его официального открытия выехала в зону военных действий.

Так молодой, едва только сформировавшийся театр получил свое первое боевое крещение.

6 февраля 1930 года состоялось открытие Театра Красной Армии. Было поставлено обзрение «КВЖД», написанное С. Алымовым.

Сцена из 12-й картины комедии Шекспира «Укрощение строптивой». Катарина — артистка Л. Дооржанская. Петручио — артист В. Пестовский.

Теперь не стыдно признаться, что это был довольно слабый спектакль. Его единственное достоинство — политическая злободневность.

Стараясь добиться глубокого отображения жизни Красной Армии, театр начал в первую очередь привлекать к работе над пьесами военных работников, бывших участников гражданской войны. Первым успехом театра была постановка героической хроники «Первая Конная» Всеволода Вишневского.

Затем театр поставил пьесу «Междубурье», написанную политработником Белорусского военного округа тов. Курдиным. Это первая пьеса о жизни Красной Армии в условиях мирного строительства, затрагивающая важную тему о проведенной М. В. Фрунзе военной реформе. Преподаватель артиллерийской школы Овчина-Овчаренко в пьесе «Военком» сделал попытку отобразить роль комиссаров в Красной Армии.

Драматические опыты молодых авторов не были свободны от недостатков, которые молодому театру нелегко было исправлять. Участь на своих ошибках, внимательно прислушиваясь к голосу зрителя, театр продолжал настойчиво со-

↑
Художественный руководитель Театра Красной Армии заслуженный деятель искусств А. Д. Попов.

Сцены из пьесы И. Прута «Артиллеристы»,

завать свой репертуар, привлекать к работе над оборонными пьесами писателей, поэтов, драматургов, оказывая им творческую помощь. Так появились «Бойцы» Ромашева, «Мстислав Удалой», «Год девятнадцатый» Прута, «Гибель эскадры» Корнейчука, «Слава» Гусева и другие пьесы.

Многие из этих пьес, появившись на сцене Театра Красной Армии, затем перешли в репертуар других театров. Таким образом, Театр Красной Армии не только создал свой репертуар, но и стал мастерской оборонной и военной драматургии для всего советского театра.

Идя навстречу растущим запросам своего зрителя, театр выходит за пределы военных тем, становится из театра о Красной Армии театром для Красной Армии. Наряду с произведениями советских авторов он ставит и пьесы классиков — Островского, Горького, Шекспира, стараясь по-новому раскрыть их содержание и подчеркнуть в них те черты, которые делают их близкими и понятными людям Советской страны.

Работа над классическими пьесами, являясь прекрасной школой для актеров, дала возможность выдвинуться ряду талантливых исполни-

матически ведет большую культурную работу среди слушателей Академии.

В летнее время артисты выезжают в лагеря и, когда надо, умеют играть на любых площадках, принаравливаясь к любым условиям.

«...Театр приехал однажды в расположение одной воинской части, чтобы показать ее бойцам пьесу «Мстислав Удалой», — рассказывает молодой режиссер А. Л. Шапс. — Два дня подряд лил проливной дождь. Поблизости не оказалось ни одного подходящего помещения. Но бойцы давно ждали нашего приезда, и об отмене спектакля не могло быть и речи. Тут же, прямо в поле, под проливным дождем рабочие построили сцену, сколотили навес. Когда ливень немного стих, мы начали спектакль. Но дождь скоро возобновился с новой силой. Капли воды просачивались на сцену. Видя, что зрители остаются на своих местах, актеры продолжали играть. В одной из сцен артист Петров, исполнявший роль пулеметчика Степы, должен был все время сидеть на одном месте. Струйка воды стекла ему за воротник, но артист не шелохнулся, чтобы не нарушить мизансцены. Артист Герага, исполнявший роль комиссара Лысенко, взявшись

да и сотни километров, чтобы к утру снова вернуться обратно. После бессонной ночи принимались репетировать новую пьесу. Во время пребывания на Дальнем Востоке театр успел подготовить и показать две премьеры: «Голуби мира» и «Укрощение строптивой».

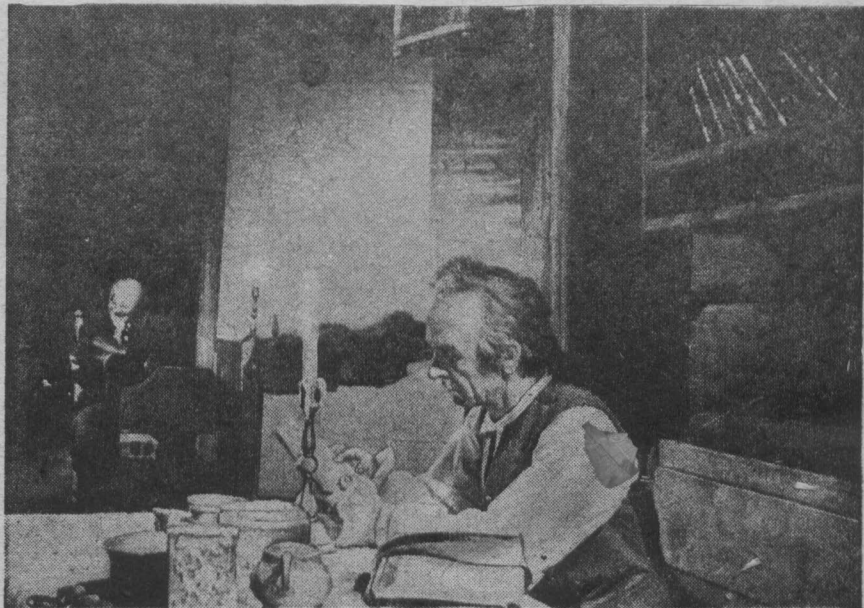
Ни пурга, ни мороз, ни далекое расстояние не могли помешать актерам выполнить боевое задание наркома. Если к намеченному пункту нельзя было проехать поездом или на пароходе, артисты ехали на грузовике, на санях, на катере или на вездеходе. Летели на самолете, пробирались пешком по занесенным снегом проселочным дорогам, таща на плечах детали оформления.

Недаром прозвали его бойцы «театром-вездеходом».

Бывали случаи, когда бригада из 12—18 артистов, выезжая на отдаленный пограничный пункт, давала концерт для шести или даже для трех красноармейцев. А один раз, узнав по окончании концерта, что один из бойцов был в наряде и поэтому не мог присутствовать на спектакле, артисты подождали, пока его сменил дру-

3-я картина пьесы Н. Погодина «Падь серебряная». Вечер самодеятельности на погранзаставе.

Сцена из 2-го акта пьесы И. Бахтерева и А. Разумовского «Полководец Суворов». Суворов в изгнании. В роли Суворова артист Б. Н. Нечаев.

телей. Наряду с именами заслуженных артистов Л. И. Дмитриевской, Н. Л. Коновалова, А. Е. Хохлова и А. П. Хованского, завоевавших симпатии зрителей прекрасным исполнением ролей в оборонных пьесах, выдвигаются талантливые артисты: Л. И. Добрянская, В. Н. Пестовский, Б. Н. Нечаев, П. А. Константинов, П. В. Никандров, А. М. Ходурский и другие.

С приходом в театр в качестве художественного руководителя заслуженного деятеля искусств А. Д. Попова, отдающего ему все свои силы и умение большого мастера, в жизни театра наступает новый этап, который можно считать началом его творческого расцвета. Ряд прекрасных постановок, осуществленных под его руководством («Год девятнадцатый», «Укрощение строптивой», «Суворов»), окончательно определяет художественный метод театра как стремление к глубокому раскрытию нашей действительности и правдивому изображению прошлого средствами реалистического искусства.

Закончив зимний сезон в Центральном Доме Красной Армии, театр каждый год выезжает в лагеря для обслуживания своего основного зрителя. За десять лет театр успел побывать во всех военных округах и пограничных районах, на важнейших стоянках Военно-Морского Флота.

Эти поездки не только укрепляют связь театра со своим зрителем, но и помогают ему в творческой работе. Находясь все время среди бойцов и командиров, наблюдая их во время строевых занятий и упражнений и в часы отдыха, артисты собирают много ценных впечатлений, чтобы в дальнейшем использовать свои наблюдения при работе над ролью. Недаром ни в одном театре актеры не умеют так хорошо носить военную форму, не могут передать так верно психологический облик командира и красноармейца, как в театре Красной Армии.

В качестве шефа Академии механизации и моторизации РККА имени Сталина театр систе-

за железные поручни бронепоезда, почувствовал удар тока, но продолжал спокойно играть свою роль. Во время этого спектакля большую поддержку проявил также машинист сцены Асма-туллин. Под проливным дождем он весь спектакль просидел на крыше сарая, чтобы в нужный момент сбросить и выбрать занавес».

«Играть в любых условиях, не снижая качества» — таков лозунг театра. Свои выездные спектакли он рассматривает как репетиции будущих выступлений в районе боевых действий.

Особенно наглядно театр доказал это во время последней поездки на Дальний Восток по боевому заданию наркома обороны товарища Ворошилова.

За 222 дня театр дал 516 спектаклей (вместо 408 по плану) и 569 шефских концертов (из них 60 на отдаленных пограничных «точках», где еще никогда не бывал ни один актер).

Кроме того артисты театра провели громадную культурно-воспитательную работу в частях. Организовали семинары и консультации для руководителей красноармейских самодеятельных кружков, подготовили лучшие номера для всеармейской олимпиады самодеятельного искусства. Режиссеры вместе с некоторыми актерами театра ставили спектакли, участниками которых были сами командиры, бойцы и жены командиров; художники помогали оформлять эти спектакли, инструктировали декораторов-самоучек; актрисы шили костюмы; музыканты преподавали в кружках, знакомили красноармейцев с основами музыкальной грамоты, показывали, как нужно настраивать инструменты.

Чтобы сделать разнообразнее программу своих концертных выступлений, артисты подготовили ряд интересных вокальных и музыкальных номеров, организовали джаз, пользовавшийся большим успехом у зрителей.

Еле успев разгримироваться после спектакля, актеры мчались на концерты за десятки, а иног-

дой часовой, и повторили значительную часть своей программы для одного зрителя.

Играя перед танкистами, летчиками, пограничниками спектакли, которые уже неоднократно исполнялись в театре, артисты всякий раз испытывали такое же волнение, как в день премьеры. По реакции зрительного зала они еще раз проверяли ценность своей работы. Горячий прием, который им оказывала аудитория, вознаграждал артистов сторицей за все неудобства и лишения. Между артистами и зрителями стиралась грань сцены. Они чувствовали себя членами одной дружной семьи.

Десятилетний юбилей Театра Красной Армии совпадает с знаменательным событием в его жизни.

Из тесного зала ЦДКА театр переезжает в новое помещение — грандиозное здание в форме пятиконечной звезды, построенное для него на площади Коммуны по проекту архитекторов Алабяна и Симбирцева. Центральный театр Красной Армии будет иметь в своем распоряжении самое комфортабельное театральное помещение в Советском Союзе. Его полукруглый зрительный зал вместит около двух тысяч зрителей. Громадная сцена, оборудованная по последнему слову театральной техники, будет приводиться в движение простым нажатием кнопки. Просторные репетиционные и декорационные залы, комфортабельные комнаты артистов обеспечат прекрасные условия для творческой работы коллектива.

После переезда ЦДКА в новое помещение страна и особенно Красная Армия, окружившая такой заботой молодой театр, вправе требовать от него еще большего углубления своего мастерства, еще более глубокой разработки героических тем истории Красной Армии, отражающих величие сталинской эпохи.

ПУШКИН И ГРИБОЕДОВ

Пушкин и Грибоедов вступили в литературу и поднимались к вершинам творчества в бурную декабристскую эпоху.

Еще доминировала «Беседа любителей русского слова» во главе с Шишковым, реакционная по своим политическим тенденциям и глубоко архаическая по литературным тяготениям. С одинаковыми «Беседами» тенденциями — на первых порах — действовало московское «Общество любителей российской словесности». На борьбу с Шишковым и его сторонниками выступали карамзинисты как в журналах, так и во вновь возникшем обществе «Арамакс». Это общество, либеральное по своему направлению, но перестрое по составу членов и по теоретическим тяготениям, не могло охватить всех тогдашних прогрессивных писателей. Возродилось (с 1816 года) «Вольное общество любителей словесности наук и художеств», некогда объединявшее сторонников Радищева, а теперь активизированное участием Боратынского, Дельвига, Кюхельбекера. В 1818 году в члены этого общества был принят Пушкин. Еще активнее оказалось вновь возникшее «Вольное общество любителей российской словесности» (с того же 1816 года) — во главе с Ф. Н. Глиной и с декабристами Рылевым, Александром и Николаем Бестужевыми, Кюхельбекером, Н. И. Тургеневым и декабристкой настроенным П. А. Вяземским. В 1824 году в члены этого общества был принят Грибоедов.

В литературную борьбу включались не только новые группы, но и старые объединения и направления, прежде «почивавшие на лаврах». Классики встретили в штыки «Руслана и Людмилу». Они же дружно выступили против «Горя от ума». Карамзинисты-сентименталисты — лирики и беллетристы — продолжали печататься.

Но уже в свои права вступал иной романтизм — байроновский. С 1818 года в русской печати начинают появляться сообщения о Байроне, с 1819 года печатаются переводы его

произведений, потом подражания им. Байронизм становится боевым знаменем литературного движения декабристской эпохи. В круг байронического романтизма вовлекаются и Пушкин, и Грибоедов, и Рылев, и А. Бестужев, и другие — все передовое писательство.

В это литературное движение, где боролись различные группы: реакционеры, консерваторы, либералы, радикалы, революционеры, шишковисты, карамзинисты, классики, байронисты, — некоторые наши литературоведы — Ю. Н. Тынянов, В. Н. Орлов, — пытаются ввести еще группу «архаистов». В ее состав они включают Грибоедова, Кюхельбекера, Катенина, нескольких третьестепенных литераторов, как А. А. Жандр, или вовсе безвестных, как Н. И. Бахтин. В характеристику «архаистов» они влетают пропаганду «славянофильства» в литературном языке, похвалы «красотам» библии и стремление переложить их в русские стихи. Стихотворение Грибоедова «Давид» (переложение 151-го псалма Давида), напечатанное в альманахе «Мнемозина» за 1824 год, с избыточными «библейскими» — объявляют «программным» — декларацией группы «архаистов», Грибоедов именуется «вождем» «архаистов», а сама группа трактуется как враждебная Пушкину и его группе.

Такая схема литературной борьбы декабристского времени есть грубое искажение действительности.

Программным для Грибоедова является не это неудачное стихотворение «Давид», а «Горе от ума», напечатанное в том же году в альманахе «Русская Талия» (первый и третий акты). И Грибоедов отнюдь не является «вождем» какой-то мелкой группы. Это Кюхельбекер пытался прикрыть именем Грибоедова свое слепое преклонение перед бездарным шишковистом Ширинским-Шахматовым, которого, на удивление всему литературному миру, ставил наравне с Пушкиным. Сам же Грибоедов в «Горе от ума» проявил себя как гениальный мастер реалистической живой речи, и вовсе не как

архаист, и даже не новатор, но как подлинный революционер в области художественного языка. В своих литературных воззрениях он быстро поднялся над мелкими фракционными распрами — к высокому уров-

«А. С. Грибоедов»

Рисунок А. С. Пушкина. 1831 г. Государственный литературный музей.

ню Пушкина и к пушкинским стремлениям создать литературу реалистическую, национальную, народную.

И Пушкин и Грибоедов легко высвободились из-под влияния тех или других литературных групп, будучи там не бойцами, а только случайными гостями. Оба предпочли сближение с вершинами мировой литературы: Шекспиром и Байроном.

Общезвестно влияние Байрона на творчество Пушкина: на четыре южные поэмы, на его лирику, граж-

данскую и интимную. Но мало знают о влиянии Байрона на Грибоедова. Оно отразилось на восточной поэме Грибоедова в духе «Чайльд-Гарольда» (от нее до нас дошел только отрывок «Кальяичи»). Но еще существеннее, хотя и менее определенно, воздействие Байрона на «Горе от ума», на вольнолюбивую патетику Чацкого, на сатирическое осмеяние светского общества.

Освободительная поэзия Байрона помогла обоим великим поэтам с наибольшей глубиной завершить то задание, какое возлагала на них декабристская эпоха и какое они начали выполнять еще до изучения Байрона, — обогащение гражданской поэзии.

Литературоведы недооценивают тот факт, что Пушкин еще в 1815 году, шестнадцатилетним юношей, создает сатиру «К Лицинию», где в бесощадных стихах разоблачает тирана, временщика, раболопную знать, порабощение народа. Эта сатира, отличающаяся идейной и художественной зрелостью, написана Пушкиным за пять лет до «Временщика» Рылеeva. В своей гражданской, декабристской поэзии Пушкин идет рядом с Рылевым в течение многих лет и вовсе не по 1820 год, как обычно думают, но и гораздо позже.

Когда голос осмысленного поэта Пушкина временно слабее доносился до взволнованного растущим декабризмом общества, стали распространяться списки «Горя от ума» — сатирической комедии, гениального документа декабристской эпохи. Декабристы приняли творение Грибоедова как художественную декларацию своего движения и распространяли копии с пьесы как агитационную брошюру. В декабристской «Полярной звезде» А. А. Бестужев дал восторженный отзыв о комедии: «Горе от ума» — феномен, какого не видели мы от времен Недоросля. Тогда характеров, обрисованных смело и резко, живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах — всё это завлекает, поражает, приковывает внимание. Человек с сердцем не прочтет ее, не смеявшись, не тронувшись до слез. Люди, привычные даже забавляться по французской систематике или оскорбленные зеркала сцен, говорят, что в ней нет завязи, что автор не по правилам правится; но пусть они говорят, что им угодно: предрассудки рассеются и будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных».

Наряду с политической эпитафией, с политической сатирой, гражданской одой, политическим посланием, рядом с байроническими орнентальными поэмами Пушкина, с рылеевскими думами, с историко-героическими поэмами сатирическая комедия Грибоедова включилась в декабристскую литературу.

Эта литература ставила еще новую проблему — проблему гражданской трагедии с содержанием из античной или национальной истории. На это задание отвечали «Армяне» и «Прокофий Липунов» Кюхельбекера. Ответил и Грибоедов незавершенным, но замечательным опытом трагедии «Радамыст и Зенобия», где тиранству властителя и узко-конспиративному заговору вельмож противопоставлено народное восстание. Однако трагедии Кюхельбекера и Грибоедова в печати не осуществились. Не был тогда напечатан и «Борис Годунов» Пушкина, где народ противопоставлен и царю и боярству.

По дороге в Эрзерум 11 апреля 1829 г. Пушкин встретил арбу с телом Грибоедова.

Рисунок Бореля.

Боевая декабристская литература, располагая уже ориентальными байроническими поэмами Пушкина, думами Рылеева, историко-героическими поэмами типа «Войнаровского», добивалась создания сатирической поэмы-романа типа «Дон-Жуана» Байрона. Когда Рылеев и А. Бестужев в 1824 году узнали, что Пушкин пишет роман в стихах — «Евгений Онегин», — они надеялись, что это произведение полностью ответит требованиям сатирического романа-поэмы. Но первые три главы «Онегина» (позднейших они уже не могли прочесть) озадачили и разочаровали их: величайшее произведение Пушкина выходило далеко за пределы поэтики декабристов. Оно создавало новое качество литературы, новый художественный метод: от байронического романтизма оно переходило к реализму.

У «Онегина» оказался мощный союзник — «Горе от ума».

Два великих поэта-реалиста, Пушкин и Грибоедов, и здесь были единомышленниками и соратниками. В подготовке к этому завоеванию новых областей и новых средств искусства им обоим помогло новое общение с мировой литературой. Подобно тому, как Пушкин и Грибоедов одновременно пережили обаяние байронизма, так одновременно они переживали воздействие Шекспира. Для обоих в Шекспире важно было основное — реализм и народность.

Это одновременное обращение к Шекспиру авторов «Бориса Годунова» и «Горя от ума» глубоко закономерно для всей эпохи, в ее борьбе с драматургией французского классицизма и на путях к самобытности, к реализму и народности.

Следует подчеркнуть, что самобытность становилась боевым лозунгом всего литературного движения. Вяземский, близкий по своим симпатиям к классицизму, писал А. И. Тургеневу: «Провалитесь вы, классики, с классическими своими деспотизмами. Мир начинает узнавать, что не народы для царей, а цари для народов; пора и вам узнать, что не читатели для писателей, а писатели для читателей». Четко сформулировал тягу эпохи к самобытности Рылеев в статье 1825 года: «На самом деле нет ни классической, ни романтической поэзии, а была, есть и будет одна истинная, самобытная поэзия... Оставив бесполезный спор о романтизме и классицизме, будем стараться уничтожить в себе дух рабского подражания».

Сформулировав так четко лозунг самобытной поэзии и декларировав бесплодность споров о романтизме и классицизме, Рылеев еще не смог дать точного наименования «истинной, самобытной поэзии», то есть реализму. Не смог он и в собственном творчестве стать реалистом. Не стал реалистом и А. Бестужев.

Писатели-декабристы остались романтиками байронического типа. Для них были приемлемы реалистические детали исторической обстановки, этнографические черты при основном упоре на гражданскую тему, на политический дидактизм, на революционную патетику. Но они тотчас становились враждебны к изображению интимного быта и особенно интимной психологии, при отсутствии остро-политической темы. Именно в этом смысле борьбы Рылеева и Бестужева против «Онегина».

Между тем всем ходом русской литературы выдвигалась новая, глубокая и прогрессивная проблема — проблема реализма — и не только бытового, но и психологического, социального, исторического.

Богатый психологический материал «Онегина» разработан Пушкиным с величайшей реалистической правдивостью, но и с такой же предельной лаконичностью. Поэтому даже в наше время он не всеми воспринимается во всей полноте. Так например душевная драма Евгения, пережитая им после встречи с Татьяной в Петербурге, как-то ускользает от анализа литературоведов. Тем труднее было воспринять и признать психологический реализм «Онегина» в декабристской среде.

В борьбе за психологический реализм Пушкин имел верного союзника в лице Грибоедова. Здесь опять необходимо подчеркнуть глубокое единомыслие Пушкина и Грибоедова.

«Онегин» и «Горе от ума» глубоко родственны по творческому методу. Они вывели русский роман и драму из круга декабристской поэтики вперед, к богатому развитию позднейшей психологической и социальной литературы.

Психологический реализм яркими бликами сверкает в «Горе от ума», например в характеристике Фамусова, в диалоге Чацкого и Натальи Дмитриевны Горичевой. Наиболее он сосредоточен в интимной драме Чацкого и Софьи. Гениально созданы: объяснение Чацкого с Софьей в начале третьего акта с богатой игрой интимных настроений, монолог Чацкого в 3-м явлении четвертого действия — об итогах московского дня, эпизод разоблачения низости Молчалина в явлениях 12—13-м последнего акта, где в стремительных, лаконических стихах раскрыто прозрение Софьи и душевная сила героини. Все это ценнейшие проявления психологического реализма в «Горе от ума».

Грибоедов назвал «Горе от ума», по традиции, комедией. Но по существу это драма столь же психологическая, как и общественная.

В летописи русской литературы знаменательны годы 1823—1825, когда слагались или завершались великие создания литературного реализма и народности: «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Горе от ума». Основоположителем новой русской реалистической литературы был Пушкин, а его единомышленником и соратником — Грибоедов. Об этом превосходно сказал Белинский в восьмой статье о Пушкине: «Вместе с Онегиным Пушкина Горе от ума было первым образцом поэтического изображения русской действительности в обширном значении слова. В этом отношении оба эти произведения положили собою основание последующей литературе, были школой, из которой вышли и Лермонтов, и Гоголь. Без Онегина был бы невозможен Герой нашего времени, так же, как без Онегина и Гора от ума Гоголь не почувствовал бы себя готовым на изображение русской действительности, исполненное такой глубины и истины...»

Для русского художественного реализма огромной потерей был ранний уход из литературы Грибоедова. После 1825 года в печати не появлялось ничего значительного за его подписью, а в 1829 году он полюб в Тегеране, и Пушкину уже одному пришлось продолжать борьбу за реализм и народность. Он совершил знаменательный переход к прозе, создал «Арапа Петра Великого», «Повести Белкина», «Калитанскую дочку».

Но на смену выбывшему из строя Грибоедову, на его боевой пост уже спешил третий великий реалист, создатель «Ревизора» — Гоголь.

КОЛЛЕКЦИЯ ЛЮБИТЕЛЯ

Собрание И. И. Рыбакова

Художественная коллекция картин и фарфора, принадлежащая ленинградскому коллекционеру И. И. Рыбакову (ныне Л. Я. Рыбаковой), является одним из значительных частных собраний в СССР.

С большой полнотой представлены в ней мастера «Мира искусств»: А. Головин, К. Сомов, В. Серов, К. Коровин.

Кисти К. Коровина принадлежат картины «Елисейские поля» (Париж), портрет артистки Сафоновой и др. Из кустодиевских работ представлены «Фонтанка», «Берег Волги» и акварели из серии «Русь». Удачно подобраны произведения К. Петрова-Водкина: «Девочка в голубом», «Розы», «Натурщица» и др. В собрании хранятся работы А. Карева, Марка Шагал, А. Тышлера и др., произведения М. Сарьяна — «Улица в Константинополе», «В Тегеране».

В коллекции собраны литографии блестящих мастеров — Домье и Гаварни. Особый отдел составляют виды старого Петербурга (гравюры и литографии, живопись на фарфоре).

Произведения старых мастеров занимают в собрании Рыбакова сравнительно небольшое место. Портреты Рокотова, Шибанова, Вижелев и ряд старинных бытовых картин.

Большой интерес представляет рыбаковское собрание фарфоровых фигурок русского производства — более тысячи экземпляров. Собрание может конкурировать с лучшими музейными коллекциями фарфора. Прекрасно подобраны фарфоровые сервизы и вазы.

По собранию И. И. Рыбакова можно изучить историю фарфорового производства в России с начала его развития до 1917 года.

Выше мы помещаем несколько фарфоровых изделий из коллекции И. И. Рыбакова.

З. Г.

Зарубежом

СЕРДОБОЛЬНЫЕ МИЛЛИОНЕРЫ

Вербовщики наемников для шайки маннергеймовцев попрошайничают по всем скандинавским странам. Не лишены интереса доводы, которые приводил в Осло шведский майор Винге на собрании крупнейших богатей Норвегии.

— Господа,— заявил Винге,— есть ли у вас уверенность в том, что после поражения Маннергейма не возникнет в скандинавских странах движение, угрожающее вашей почтенной деятельности? Может наступить момент, когда вообще не станет больше миллионеров в Скандинавии. Жертвуйте на нашу борьбу против этой угрозы!

Первым откликнулся на такой убедительный аргумент судовладелец Вильгельм Вильгельмсон, собственник нескольких пароходных флотилий с сотнями тысяч тоннажа. Этот «патриот» был в свое время изобличен в том, что он вывешивает на своих судах панамский флаг, чтобы не платить налогов норвежскому государству.

Подписался также крупнейший норвежский химический концерн «Норск Гидро» — это уже не один «патриот», а целый выводок миллионеров — представителей норвежской «демократии». Концерн «Норск Гидро» прославился тем, что спровоцировал еще в 1931 году кровавые столкновения между полицией и бастовавшими рабочими и прибегал к услугам военных частей для расправы с рабочими.

Доброхотные даяния поступили также от пароходо-владельца-миллионера Рудольфа Улсена и т. д. Что касается рабочих, к которым пытался было апеллировать Винге, то его старания окончились плачевно. Норвежские металлисты, рыбаки, крестьяне, лучшие представители интеллигенции принимают резолюции протеста против помощи белофиннам и махинаций их черносотенных покровителей, агентов Лондона и Парижа.

В Англии был опубликован список жертвователей в фонд помощи белофинским бандам. На первом месте значится союз лесопромышленников (фирмы, импортировавшие лес из Финляндии); далее следует концерн Вилкерса (ввозящий из Финляндии никелевую руду), крупнейшие банкиры братья Лазар и Беринг, фирма Гарри Лабус (производство мебели из финляндского леса) и т. д.

Приводя эти имена, пока-

зывают, кто стоит за спиной белофиннов, газета «Дейли уоркер» добавляет, что широкие массы населения Англии не поддерживают кампании в пользу маннергеймовцев и воздерживаются от пожертвований.

ПРИПАДОК ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ

В Дании разразился новый, весьма своеобразный кризис, кризис в области торговли картинами, редкими книгами, старинной утварью. Из продажи исчезли картины более или менее известных художников. Магазины антикварной мебели торгуют плетеными стульями самого последнего образца. Букинисты повесили замки на дверях с надписью: «Торговля прекращена до окончания войны, товар распродан».

Разгадка проста. Состоятельные граждане скупают «на корню» целые картинные галереи, художественные коллекции и т. д. Это освобождает их от уплаты

налогов на капитал и от обеспечения кронны. Закон не предусматривает обложения «домашнего имущества», каковым считаются частные собрания картин, библиотеки и другие богатства.

Рембрандты и Педерсены, древние манускрипты и миниатюры пошли в биржевой оборот. Объявления гласят: «Меняю трех больших Педерсенов на одного средней величины Рембрандта с доплатой в 10 тысяч крон», «Продается секира ландграфа Фриза, меч Сехестета и любовное письмо короля Христиана IV за 12 тысяч крон плюс 10 процентов комиссии».

Этот внезапный припадок любви к искусству не является единственным способом обмана государственной казны.

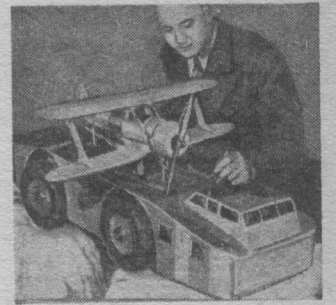
В один прекрасный зимний день группа датских миллионеров переселилась из Копенгагена в какой-то новый поселок, еще не нанесенный на географическую карту. Они облюбова-

ли незастроенный участок земли вдали от города, построили себе виллы и создали «муниципалитет», в котором зарегистрировали свои копенгагенские предприятия как «филиалы» своих поселковых фирм. По закону, налоги уплачиваются в размере ставок, установленных не для столицы, а для небольших населенных пунктов. Это составляет внушительную разницу, целиком остающуюся в карманах предприимчивых «переселенцев».

Одна копенгагенская газета пыталась пристыдить изворотливых миллионеров. Они «обиделись» и написали в редакцию письмо, в котором заявили: «Мы тоже имеем право на защиту своих профессиональных интересов, нас нельзя лишить права жить коллективом. Демократия одинакова для всех, она не может быть одной для миллионеров и другой для бедных».

Газета извинилась за свою бестактность... В самом деле, согласно датской конституции, муниципальная автономия, свобода передвижения, право союзов гарантированы всем гражданам даже в том случае, когда эти демократические свободы можно использовать для надувательства государственной казны.

деление, дальше — кухня и фотолaborатория, жилая комната, кладовая, и в хвосте — помещение для двух запасных пневматиков. Этот «крейсер» рассчитан на четырех пассажиров; годовой запас продовольствия и запас горючего — на 8 тысяч

километров. Машина несет на себе пятиместный самолет, на котором установлена камера для аэрофото-

съемки. Кроме этой машины адмирал Бэрд рассчитывал взять в Антарктику шесть гусеничных танков армейского образца для перевозки провианта и снаряжения.

В задачи экспедиции этого года, кроме научной работы (сейсмографические и метеорологические наблюдения, изучение земного магнетизма, космических лучей, исследование «белых пятен» и т. п.), входит организация трех баз в которых будут жить ежегодно сменяемые поселенцы. По мнению американских властей, создание постоянных поселений на этом, до сих пор пустынном континенте является лучшим доказательством прав США на эту территорию. На куски антарктического «пирига» сейчас уже предъявляют требования, кроме США, Германия, Англия, Норвегия, Франция и Аргентина.

ЭСКАЛАТОРЫ ДЛЯ ПЕШЕХОДОВ. Для разгрузки уличного движения один американский изобретатель предлагает построить на самых оживленных перекрестках, в торговых кварталах крупных городов вращающиеся платформы, расположенные высоко над уровнем улиц. К каждой такой платформе будут вести по четыре эскалатора, от четырех углов перекрестка. Вращающаяся платформа быстро доставит пешехода на ту сторону перекрестка, на которую ему удобно спуститься.

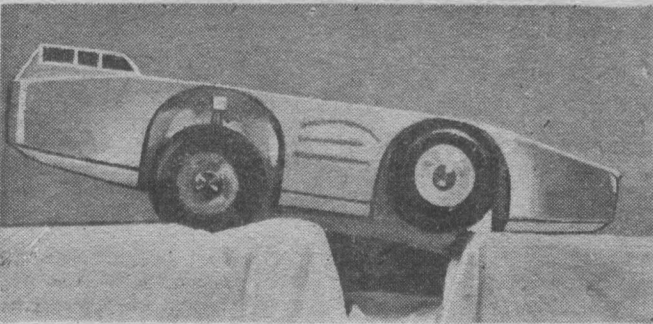
Новое В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

БОРЬБА С ШУМОМ. Большое внимание уделяется в ряде стран, особенно в Англии и США, борьбе с шумом в метро. Перед войной, остановившей большинство экспериментальных работ, в Англии продолжались опыты по экранированию шума, производимого прохождением поезда метро по рельсам, с помощью особых «козырьков», которые устанавливаются в нижней части вагонов, над колесами. На Ньюйоркском метро производились опыты по установке резиновых подкладок под рельсами. Эти опыты показали, что наряду с уменьшением шума применение резины значительно сокращает те вибрации, которые передаются при проходе поезда метро близлежащим зданиям, и в известной мере предохраняет от износа рельсы и подвижной состав.

«СНЕЖНЫЙ КРЕЙСЕР». Так назвал доктор Томас Поултер, ближайший сотрудник знаменитого исследователя Антарктики адмирала Бэрда, громадный автомобиль, сконструированный по его проекту для новой экспедиции в Антарктику. Эта машина, весящая около 20 тонн, имеет 13,5 метра в длину и 4,5

метра в ширину. Моторная установка состоит из двух двигателей по 200 лошади-

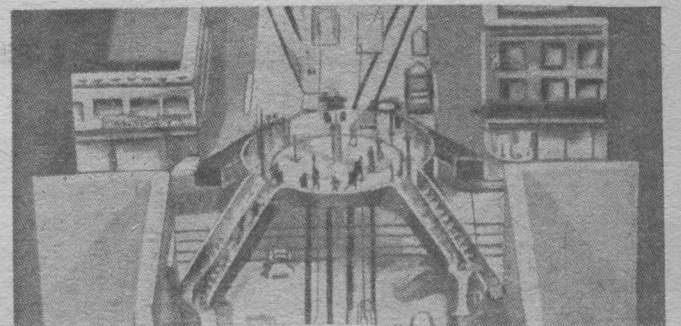
(передние приподняты), а потом, когда передняя часть машины, с колесами,

ных сил, которые генерируют электроэнергию для освещения, отопления, радио и электрифицированной механической мастерской этого корабля на колесах. Каждое из огромных колес, 3 метра в диаметре, может быть приподнято с помощью особого механизма на высоту 1,2 метра над поверхностью; когда подняты все колеса, «крейсер» превращается в сани. Эта система колес особенно удобна для переправы громадного «автобуса» через широкие трещины, крайне затруднявшие передвижение прежних антарктических экспедиций. Поступательное движение обеспечивается в начале переправы работой задних колес

находится уже на другом краю трещины,— передними.

Кабина водителя помещается на «второй палубе», под ней — механическая мастерская, машинное от-

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

КНИГА О СТАЛИНЕ И КРАСНОЙ АРМИИ. Государственное военное издательство выпустило художественно оформленную книгу «Творчество народов СССР о Сталине и Красной Армии».

В книге два раздела: «Вожь народов» и «Сталин и Красная Армия»; второй раздел включает циклы: «Годы гражданской войны», «Красная Армия сильна и непобедима», «На страже родины», «За родину, за Сталина». В последний цикл вошли песни о героях Хасана, фронтовая песня о Сталине, обращение народного поэта Казахстана Джамбула к жителям Западной Украины и Белоруссии и другие стихи.

Народные поэты-певцы Сулейман Стальский, Джамбул, ашуги, сказители и сказительницы нашей многонациональной родины сравнивают вождя народов товарища Сталина с заботливым садовником, который любовно выращивает каждое деревцо в своем саду, а сад этот — все человечество.

«Вся страна превратилась в сад,
Расцветает в ней стар и млад,

Кто растил этот дивный сад?
Садовод-большевик

Сталин»
(«Ты отважнее, чем орел».
Перевод с азербайджанского).

Мудрый рулевой товарищ Сталин ведет нашу страну к счастью.

«Сталин — гордый горный орел,
С ним народ мой окреп и расцвел.

С ним, с любимым, из года в год
Жизнь все ярче, все краше цветет»

(«Незабвенному вождю».
Казахская песня).

В памяти народа живут имена героев гражданской войны, покрытые неувядаемой славой. В песнях народ прославляет непобедимую Красную Армию, созданную Лениным и Сталиным и выстоявшую товарищем Ворошиловым.

Раздел «Красная Армия сильна и непобедима» открывается стихотворением Сулеймана Стальского «Красная Армия. Товарищу Ворошилову»:

«Советской власти ты оплот,

Красная Армия!
Перед тобою тает лед,
Красная Армия!

Твой каждый воин, точно лев,
Любые тропы одолев,

Сломить сумеет вражий гнев,

Красная Армия!

Мы все готовы, как один,
Как в пору грозных

годин,
С тобой встречать огонь и дым,

Красная Армия!

Кроме произведений устной поэзии в книгу вошли песни советских поэтов, ставшие народными, а также в сокращенном виде стихотворные письма товарищу Сталину от трудящихся наших республик.

Книга богато иллюстрирована репродукциями с картин, показывающих различные моменты из боевой жизни товарища Сталина; портретами Ленина и Сталина — работы лучших художников и искусных

ковровщиц национальных республик. Многокрасочные репродукции даны вкладышами листами на паспарту.

В. В. МАЯКОВСКИЙ. Полное собрание сочинений. Т. III. В третий том входят все пьесы в стихах В. В. Маяковского, за исключением трагедии «Владимир Маяковский», помещенной в первом томе.

Пьеса «Мистерия-Буфф» напечатана в двух редакциях: 1918 и 1921 годов. Вторая редакция сопровождается прологом и вставкой, написанными В. В. Маяковским для постановки «Мистерии-Буфф» на немецком языке в честь III конгресса Коминтерна, и либретто, составленным автором.

Кроме «Мистерии-Буфф» в третий том вошли: «А что если?», Первомайские грезы в буржуазном крес-

ле», «Пьеска про попов, кои не понимают, праздник что такое», «Как кто проводит время, праздники празднуя (на этот счет замечания разные)», «Чемпионат всемирной классовой борьбы», гротеск «Радио-Октябрь» и «Москва горит». «Москва горит» дана в первой редакции, предназначенной для постановки в цирке. За текстом следует содержание шести летучек, которые разбрасывались в цирке во время представления.

В третий том вошли также впервые включенные в собрание сочинений варианты произведений и черновики В. В. Маяковского.

Особое место занимают статьи и речи В. В. Маяковского о театре 1918—1921 годов, прямо или косвенно связанные с работой над «Мистерией-Буфф».

В томе портрет В. В. Маяковского и приложение, в котором публикуется текст «Театрального отчета», «Вчерашний подвиг» («Что сделано нами с отобранными у крестьян семенами»).

Редакция и комментарии принадлежат А. Февральскому.

Д. МАНЕВИЧ

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

ФИНИШ И СТАРТ. В 1939 году советские спортсмены добились больших побед. За год в нашей стране установлено около 150 всесоюзных, европейских и мировых рекордов. В самом конце года, 30 декабря, комсомолец Александр Божко отводал для своей родины 23-й мировой рекорд из 35 возможных в поднятии тяжестей. Выступив в полутяжелом весе, он толкнул двумя руками штангу, весящую 160,5 килограмма. В классическом троеборье этот славный атлет Красной Армии показал великолепный результат — 383 килограмма.

Так финишировал в СССР минувший спортивный год. Новый с честью продолжает дело своего предшествен-

ника. С первых же дней 1940 года советские спортсмены стали показывать изумительные результаты.

В Ленинграде, на льду Финского залива, состоялось открытие сезона буерного спорта. 15 лучших советских яхтсменов приняли участие в первых в этом сезоне соревнованиях на крылатых буерах, и все 15 преуспели прошлогодний рекорд СССР. Лучший результат показал представитель добровольного спортивного общества «Водник» тов. Матвеев. Он пролетел дистанцию со скоростью в 84 километра в час.

Письма альпинистов. На всех вершинах наших гор есть небольшие туры, сложенные из камней и облом-

ков скал. В них оставляют свои записки люди, покорившие эти вершины. Документы эти представляют исключительный интерес.

В прошлом году группа М. Ануфрикова нашла на вершине горы Цалмгьыл записку швейцарских спортсменов Казимира де Рам и Оскара Хьюг, оставленную здесь почти 30 лет назад. На визитной карточке были начертаны печальные, безнадежные слова: «Подъем исключительно трудный... Спускаемся югозападным гребнем... Пути нет...»

Такая же записка была оставлена в 1903 году англичанами Роллестон и Лонг-став на вершине горы Лакра. В прошлом году была найдена записка французских альпинистов Колбе, Солли и Невмарда, закапанная сиропом, вложенная в грязную жестянку из-под сардин, она была оставлена на вершине Черында 24 июля 1894 года.

Советские альпинисты пишут другие письма.

Недавно альпинисты добровольного спортивного общества «Старт» нашли на вершине Ледешт в Сванетии такую записку:

«Группа молодых альпинистов лагеря «Терскол» в количестве 74 человек, 10 инструкторов и 1 врача в полном составе вошла на вершину Ледешт. Сняли записку лагеря «Локомотив». Приветствуем следующих восходителей... Свой кольцевой поход... посвящаем

годовщине выборов Верховные Советы союзных и автономных республик. Привет первому депутату и лучшему другу физкультурников товарищу Сталину!»

А вот что было найдено в прошлом году на вершине горы Куармаш: в консервной банке лежал флакон, а в флаконе, аккуратно залитом воском, находилась фотография ребенка. На обороте ее было написано: «Эту фотографию Цибинюгина младшего — 1 год 5 месяцев от роду — положил отец. Прошу никого не трогать, сын вырастет, придет, сам возьмет...»

Так дружески переписываются славные советские альпинисты. Лозунг их: «Кто не растеряется в снежных горах, тот не струсит и в бою».

СЕМЬИ СПОРТСМЕНОВ И ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ. В нашей счастливой стране немало семей, в которых все, от мала до велика, занимается физкультурой и спортом. Конькобежцы отец и сын Мельниковы, легкоатлеты отец и сын Балатановы, велосипедисты отец и сын Ипполитовы, братья Старостины, братья Дьячковы, братья Знаменские, сестры Шамановы, брат и сестра Демины и другие известны далеко за пределами Советского Союза.

И с каждым годом таких семей становится все больше и больше. Славная традиция знаменитых спортсменов становится всеобщей.

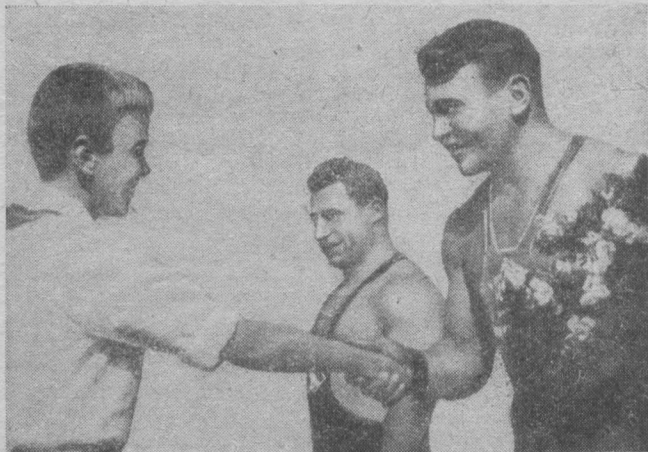
На одном из железнодорожных узлов Полтавской области живет семья путевого сторожа Тихона Дмитриевича Губки. Это одна из тех замечательных семей советских патриотов, которыми гордится вся страна. И, ясное дело, здесь все — физкультурники и спортсмены. В семье 26 оборонных значков. Все 8 братьев и сестер — значкисты ГТО, ворошиловские стрелки, гранатометчики. Среди них и легкоатлеты, и футболисты, и пловцы, и лыжники, и хоккеисты, велосипедисты и городошники. Тихон Дмитриевич шутит по этому поводу:

— У нас свой домашний оркестр, своя хорвая капелла, вот только футбольную команду пока не можем выставить в полном составе.

В семье Т. Д. Губки три члена ВКП(б) и три комсомольца. Все дети старого путевого сторожа стали интеллигентами, занимают ответственные должности на железнодорожном транспорте. Все они члены добровольного спортивного общества «Локомотив» и часто выставляют на соревнования свою семейную волейбольную команду.

Тихон Дмитриевич — сам страстный охотник — настойчиво прививал и прививает своим детям в внуках любовь к физкультуре и спорту.

ЭНМЭН

Пионер Миша Кабанов преподносит цветы комсомольцу А. Божко, установившему свой второй мировой рекорд. В центре — мировой рекордсмен по штанге Е. Хотимский.

ШАХМАТЫ

Позиция № 2

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

НАЙДИТЕ ПРАВИЛЬНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

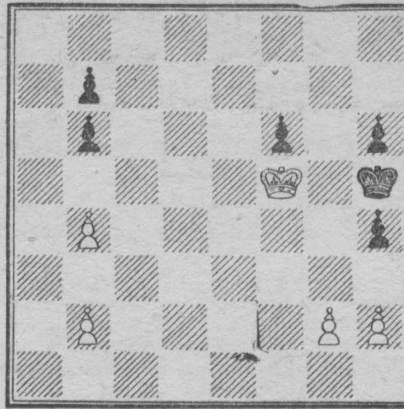
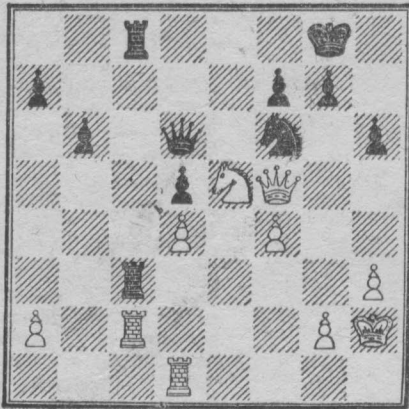
С этого номера журнала в шахматном отделе наряду с задачами и этюдами будут помещаться позиции из практических партий.

Нахождение комбинаций в этих позициях поможет читателям развить умение комбинировать и правильно разрешать задачи, выдвигаемые в практической шахматной игре.

Позиция № 1

Белые: Kрh2, Фf5, Лс2, d1, Кe5 пп. a2, d4, f4, g2, h3(10).
Черные: Кpg8, Фd6, Лс8, с3, Кf6, пп. a7, b6, d5, f7, g7, h6(11).

Белые при своем ходе проводят блестящую пятиходовую комбинацию, в результате которой они остаются с лишней ладьей.

Белые: Кpf5, пп. b4, b2, g2, h2(5).
Черные: Крh5, пп. b7, b6, f6, h6, h4(6).

Несмотря на простоту позиции белым удалось форсированно заматовать черного короля в семь ходов. Как это сделать?

Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта при СНК СССР утверждено положение о званиях гроссмейстера и мастера СССР по шахматам.

Для получения звания гроссмейстера нужно занять первое место в финале первенства СССР по шахматам или в течение трех лет занять два раза второе или третье место в чемпионате страны. Возможно также завоевание звания в матче с гроссмейстером при сведении этого матча вничью.

Звание мастера присваивается за выполнение определенных норм, устанавливаемых в крупных турнирах, или за сведение квалификационного матча с мастером вничью.

Вводимый порядковый список мастеров, составляемый на основании успехов мастеров в течение каждого года, позволит конкретно учитывать успехи и спортивную форму каждого.

Звание гроссмейстера и мастера должно быть подтверждено в течение 5 лет для гроссмейстера и 3 лет для мастера.

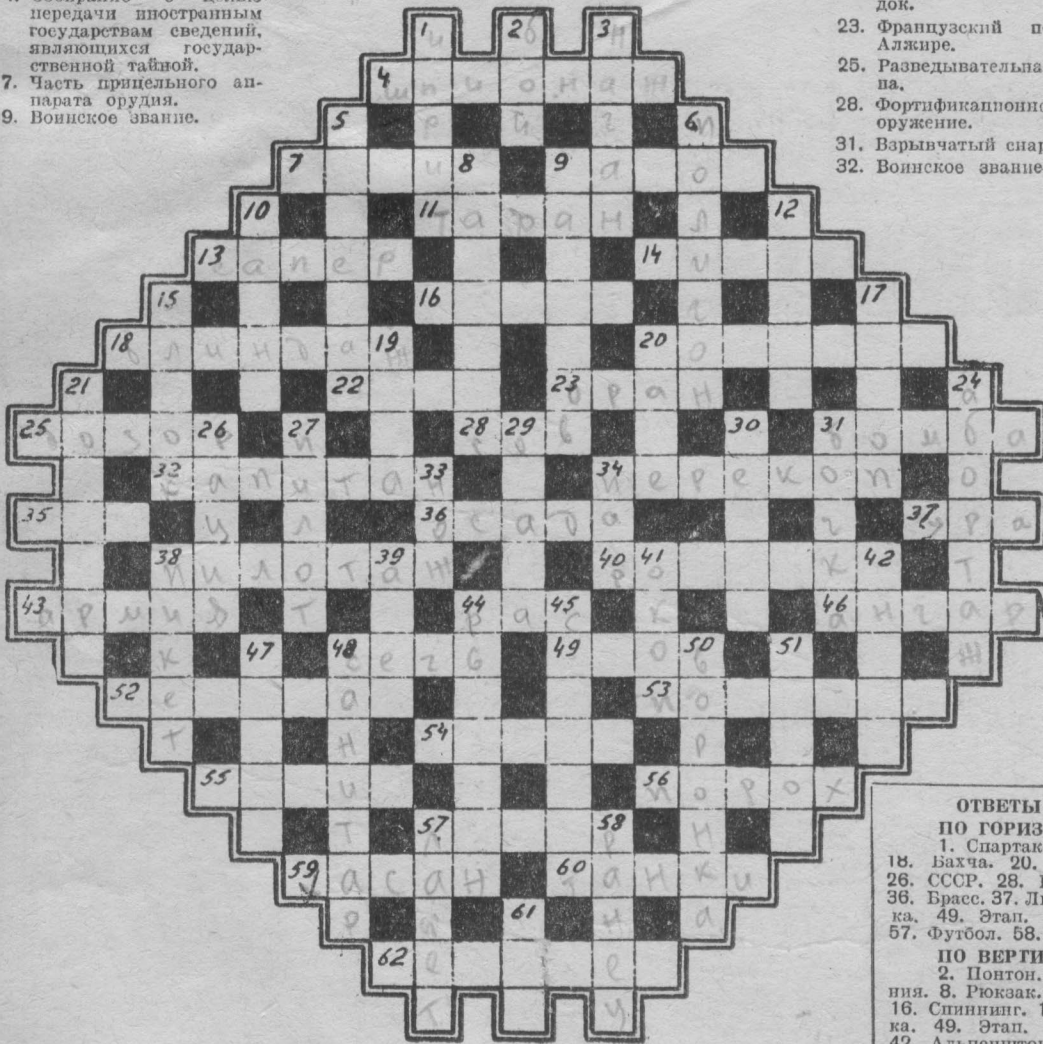
КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» И. ВУРС.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

- Собрание с целью передачи иностранным государствам сведений, являющихся государственной тайной.
- Часть прицельного аппарата орудия.
- Воинское звание.

- Древнее осадное орудие.
- Боец инженерных войск.
- Пехотная стоянка войск.
- Знаменитый французский военный инженер.
- Укрепление.
- Воинское подразделение в римской армии.
- Средство предохранения от подводных лодок.
- Французский порт в Алжире.
- Разведывательная группа.
- Фортификационное оружие.
- Взрывчатый снаряд.
- Воинское звание.
- Перешеек, у которого развернулись исторические бои во время гражданской войны.
- Число.
- Обложение частей противника в укрепленном пункте.
- Военный ключ.
- Искусство вождения самолета.
- Искусственное препятствие.
- Крупное воинское соединение.
- Абиссинский военачальник.
- Помещение для самолетов.
- Рукопашная битва.
- Крепость на море, взятая Петром I.
- Старый солдат.
- Местность, избранная для боевого расположения войск.
- Полукружение, в котором очутилась воинская часть.
- Система пулемета.
- Взрывчатое вещество.
- Тип военного судна.
- Озеро, у которого Красная Армия одержала блестящую победу.
- Бронированные машины.
- Ориентировка при артиллерийской стрельке.
- Воинское подразделение.
- Авиационный термин.
- Часть орудия.
- Часть парашюта.
- Река, на которой произошла битва между русскими и шведами в XIII веке.
- Старинное построение пехоты.
- Вид орудия.
- Захват неприятельского корабля в рукопашном бою.
- Принадлежность частей связи.
- Боец воздушного флота.
- Город в Японии.
- Город, у которого произошел разгром французской армии.
- Фигура высшего пилотажа.
- Холодное оружие.
- Газообразное состояние жидкости.
- Группа охранения и дозора.
- Военно-морская база Англии на Красном море.
- Полевое укрытие для пехоты.
- Памятник древности.
- Крепостное сооружение.
- Одно из важнейших средств современной войны.
- Часть винтовки.
- Военно-медицинский работник.
- Яма, образовавшаяся от взрыва снаряда.
- Турецкий порт, около которого произошло сражение в русско-турецкую войну 1853 года.
- Часть орудия.
- Часть снаряжения бойца.
- Старинное холодное оружие.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

- Боевое отравляющее вещество.
- Возруженное столкновение.
- Система револьвера.
- Неправильное положение патрона, застреливающего в магазине.
- Место для учебной стрельбы.
- Звание артиллериста в старой армии.
- Знаменитый русский адмирал.
- Часть винтовки.
- Военно-медицинский работник.
- Яма, образовавшаяся от взрыва снаряда.
- Турецкий порт, около которого произошло сражение в русско-турецкую войну 1853 года.
- Часть орудия.
- Часть снаряжения бойца.
- Старинное холодное оружие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 3 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

- Спартакиада. 7. Хорайн. 8. Регби. 13. Смерч. 14. Диск. 15. Бассейн. 18. Багча. 20. Кубок. 21. Дебют. 22. Штанга. 23. Пик. 24. Инструктор. 26. СССР. 28. Парк. 30. Динамо. 31. Игрок. 32. Гигант. 33. Хав. 35. Аут. 36. Брасс. 37. Лыжник. 39. Заплыв. 41. Конь. 45. Гупор. 47. Уклон. 48. Гонка. 49. Этап. 51. Матч. 52. Буер. 53. Тайм. 54. Пулково. 56. Пушбол. 57. Футбол. 58. Травма. 60. Оракул. 61. Ров.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

- Понтон. 3. Ангар. 4. Дуплет. 5. Байдарка. 6. Пенальти. 7. Христианья. 8. Рюкзак. 9. Инсайд. 10. Гимнастика. 11. Згдтап. 12. Врач. 15. Бокс. 16. Спиннинг. 17. Нева. 19. Арктика. 25. Ринг. 26. Сон. 27. Реферн. 28. Плана. 49. Этап. 51. Матч. 52. Буер. 53. Тайм. 54. Пулково. 56. Пушбол. 42. Альпеншток. 43. Спурт. 44. Старт. 45. Раунд. 46. Редап. 50. Парашют. 51. Мотобол. 54. Пловец. 55. Офсайд. 59. Ар. 60. ОВ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-45, К 4-28-45.

Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова.

Стат. формат 275×360 мм 1/4 доля, 1 1/2 бум. листа.

Техредактор А. Котельникова.

Уч. л. Главлита А-24212. Изд. № 194. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 13/II-40 г.

Подл. в печати 11/II-40 г.

Зак. № 133.

Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Управление по подготовке кадров счетных работников ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР

МОСКОВСКИЙ МЕЖОБЛАСТНОЙ УЧЕБНЫЙ КОМБИНАТ ПРОДОЛЖАЕТ ПРИЕМ НА ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ СЧЕТОВОДОВ СРОК ОБУЧЕНИЯ 7 МЕСЯЦЕВ. Стоимость обучения за весь курс 85 руб.

СВЕДЕНИЯ ОБ УСЛОВИЯХ ПРИЕМА И АНКЕТА высылаются по получении конверта с написанным обратным адресом поступающего и марки в 60 коп. ЗАЯВКИ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 12, ул. Куйбышева, д. 4, подъезд 2, помещение 176, Учебный комбинат СОЮЗОРГУЧЕТА.

ВЫСЫЛАЕТ КНИГИ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА:

КРАСНАЯ АРМИЯ—альбом для вырезывания и склеивания для детей 8—10 лет—цена 2 р. 75 к.

КОМПЛЕКТ БРОШЮР ДОМА ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ НАУКИ (быстрый счет, арифм. ребусы и фокусы, вечные двигатели, дважды два—пять, отгадчик имен, карта звездного неба, карта нашей родины, словарь имен и друг.), 7—8 книжек—цена от 7 до 8 руб.

КОМПЛЕКТ альбомов узоров для вышивания, 5—6 альбомов на сумму до 12 руб.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ЗАКАЗЧИКА.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ — Ленинград, 101, Кировский пр., 6, ЛЕНКУЛЬТУРГУ.

Заказы от учреждений и организаций не выполняются.

НАРКОМПРОС РСФСР
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КУРСЫ
ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
Москва, Кузнецкий Мост, 3,
тел. К 3-90-42.

ИН-ЯЗ

ПРИЕМ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ГОДА
НА ОТДЕЛЕНИЯ
АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО
ЯЗЫКОВ

и на первый курс ФРАНЦУЗСКОГО
ИМЕЕТСЯ СПЕЦИАЛЬНОЕ ПЕРЕ-
ВОДЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Программа первых двух курсов соответствует программе по языку полной средней школы. Программа трех курсов — программе вузов и вузов.

Окончившим выдаются соответствующие свидетельства.

Проспект высылается за 60 коп. почтовыми марками 10- и 20-копеечного достоинства.

СПРАВКИ с 10 до 18 часов ежедневно, кроме общевыходных.

Ленинградское отделение курсов: Ленинград, Апраксин пер., 2.

Фабрика „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ“ ВЫПУСТИЛА НОВЫЙ ПРЕПАРАТ Крем «ЮНО»

ИЗГОТОВЛЕННЫЙ НА ОБЛУЧЕННОМ ЛАНОЛИНЕ и ОБЛАДАЮЩИЙ СВОЙСТВАМИ ЖИДКОСТИ „ЛОСЬОН-ЮНО“.

Крем «ЮНО» применяется также в качестве ночного жирного крема для питания кожи и при чрезмерной сухости ее вследствие частого мытья мылом (например у медперсонала, домохозяйек и пр.).

Крем «ЮНО» оказывает благотворное влияние при сухости кожи, на открытые поры и при экземе (особенно сухой). Действие его на кожу сказывается через 30—40 минут после первого применения в усиленном приливе крови к коже, придавая ей мягкость, бархатистость и повышенную упругость.

Крем «ЮНО» имеет приятный запах, быстро всасывается и успешно применяется при жирной и особенно сухой коже.

Крем «ЮНО» быстро освежает и успокаивает раздражения кожи после бритья.

Крем «ЮНО» применяется очень просто. Способ употребления приложен к каждой коробке.

В ПРОДАЖЕ ИМЕЕТСЯ ТАКЖЕ ЖИДКОСТЬ «ЛОСЬОН-ЮНО»

незаменимое средство для ухода за кожей, содержащее активизированный ультрафиолетовыми лучами ланолин.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ.
МОСКВА, 133, Калужская застава, «МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ».

СЕЛЬПО ПОКУПАЕТ УТИЛЬ

ПРЯПЬЕ, СТАРУЮ РЕЗИНОВУЮ ОБУВЬ,
СТАРУЮ БУМАГУ, КОСТЬ, ПАКЛЮ, РОГА И
КОПЫТА КРУПНОГО СКОТА.
ЛОМ ЦВЕТНЫХ И ЧЕРНЫХ МЕТАЛЛОВ.
СТАРЫЕ КОНСЕРВНЫЕ БАНКИ
СТАРЫЕ ГРАММОФОННЫЕ ПЛАСТИНКИ И ИХ
БОЙ. ПУХ И ПЕРО

УТИЛЬ-ЦЕННОЕ

СЫРЬЕ ДЛЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

ТРЕБУЙТЕ
ПРЕЙСКУРАНТ

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНТОРА „ЦЕНТРОУТИЛЬ“ ЦЕНТРОСОЮЗА С С С С Р. И Р С Ф С Р.

ВЫГОДНО хранить
свои деньги
в сберегательной кассе

НА

СРОЧНОМ ВКЛАДЕ

*По этим вкладам
сберегательная
касса
платит*

5%

годовых

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СРОЧНОГО ВКЛАДА РАНЕЕ ШЕСТИ МЕСЯЦЕВ
ВКЛАДЧИК ПОЛУЧАЕТ 3 проц. ГОДОВЫХ, КАК ПО ОБЫЧНОМУ ВКЛАДУ

ХРАНИТЕ

СВОИ ДЕНЬГИ В

СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ!

Донец

Цена 50 коп.

